

Роман Гаруда

**ПОСЛЕДНЕЕ
СРАЖЕНИЕ
РАМИРЕСА**

Роман Гаруда

Последнее сражение Рамиреса

«Издательские решения»

Гаруда Р.

Последнее сражение Рамиреса / Р. Гаруда — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837717-4

Это мой первый роман. Безусловно, написан он в фантастическом жанре, однако его стиль труднее поддается определению. Впрочем, это неважно, ведь по форме он — высоко динамичный экшен, а по содержанию — размышления символиста. Наслаждайтесь.

ISBN 978-5-44-837717-4

© Гаруда Р.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	40
Глава 5	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Последнее сражение Рамиреса

Роман Гаруда

© Роман Гаруда, 2019

ISBN 978-5-4483-7717-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Это мой первый роман, который, без сомнения, написан в фантастическом жанре, однако его стиль труднее поддается определению. Впрочем, это не важно, ведь по форме он – высоко динамичный «экшен», а по содержанию – размышление символиста. Наслаждайтесь.

Роман Гаруда.

Глава 1

*Путь тот остер, как лезвие бритвы.
Тяжко идти по нему, трудно его одолеть.*

Катха Упанишада.

– Неужели вы думали, что я привезу гору медвежьих лап и шкур уссурийского тигра сразу сюда, на эту встречу? Нет уж, мистер Линг Фат, покажите вначале ваши деньги! – сказал я по-английски пожилому китайцу в безупречном деловом костюме и очках с золотой оправой.

– Вы не доверяете нам, мистер Ло-Ки? – улыбаясь, спросил у меня он, и его улыбка напомнила мне оскал хищника.

– Мое имя произносится слитно – Локи. Оно из скандинавского эпоса, – поправил я его.

– О-о, простите меня, мистер Локи! – он непринужденно взмахнул рукой в полумраке. – Ваши европейские имена, очень трудны для нас...

– Лично вам я доверяю, – моя улыбка, наверное, смотрелась, как эталон добродушия. Хотя мы оба прекрасно понимали: если речь идет о двух с половиной миллионах долларов, доверие здесь – синоним глупости. – Мы давно, хоть и не напрямую, работаем друг с другом. Но у меня такое количество товара, что власти легко могут запрятать меня в тюрьму на пару десятков лет. Я просто хочу быть уверенным, что все идет как надо...

Это была обычная словесная дуэль, он напал, а я защищался. Однако мне уже давненько посчастливилось вырасти из детских штанишек, поэтому натренированная улыбка китайца не могла заставить меня потерять концентрацию даже на мгновение, ведь в противном случае, расплата за такую оплошность приравнивалась бы не только двум с половиной миллионам долларов, – цене данной встречи, но, возможно, самой жизни. Думаю, не только для респектабельности за спиной Линг Фата неподвижно, словно мраморные статуи, замерли два телохранителя. Стоило ему лишь прищурить глаз, и они не оставили бы от меня и мокрого места. Признаться, меня удивила столь представительной свита этого бизнесмена средней руки. Но в жизни, как и в шахматах, выигрывает тот, кто лучше продумывает все варианты ходов, и он пока еще не знает, кто здесь из нас двоих наивен.

– Очень хорошо, мистер Локи! – продолжая улыбаться, Линг Фат кивнул одному из своих телохранителей.

Тот ожил и, сделав шаг вперед, вышел из тени.

Передо мною стоял китаец богатырского телосложения. Подобные гиганты нечасто встречаются среди жителей Поднебесной, и он как никто другой подходил на роль хранителя большого кейса, пристегнутого наручником к его огромной, похожей на рукоять экскаватора, руке. Богатырь положил серебристый чемоданчик на дно перевернутой ржавой бочки и, щелкнув замками, открыл его.

Мы находились в здании заброшенной молочной фермы. Внутри нее давно уже не было электричества, поэтому, прежде чем подойти к кейсу, я извлек из кармана брюк маленький светодиодный фонарик. Раздался щелчок, похожий на звук переломленной сухой ветки, и круг света выхватил из полутьмы портрет президента Франклина, который ухмылялся всем присутствующим, с пачек купюр перетянутых банковскими лентами, как будто знал о чем-то, пока еще недоступном для нас. Но для меня это была улыбка самой Фортуны.

Моя непринужденность, с которой я достал из центра кейса стопку зеленых прямоугольников, пропиталась естественностью настолько, что нет никаких сомнений: сам Константин Сергеевич Станиславский, вознаградил бы ее аплодисментами, и, сняв банковскую ленту, при помощи лупы внимательно осмотрев банкноты, не обнаружил ни малейшего намека на подделку.

– С вами приятно иметь дело, мистер Линг Фат! – сказал я.

– Теперь мы можем посмотреть на ваш товар?

Отцепив от брючного ремня рацию, я нажал на кнопку.

– Гарри, подгоняй грузовик! – перейдя на русский язык, бросил я в нее.

– Принято! – отозвался бодрый голос.

– Через пять минут товар будет здесь, – вновь прибегнув к английскому, сказал я Линг Фату.

Тот, довольно улыбаясь, закивал головой.

– Вы выбрали очень удачное место для проведения нашей сделки, мистер Локи! – похвалил он меня. – Рядом нет леса и вокруг все хорошо видно...

– Да, мистер Линг Фат, большинство колхозов в Хабаровском крае вымерли, оставив после себя много заброшенных зданий. В том числе и эту молочную ферму. Она оказалась никому не нужной, зато очень пригодилась нам, не так ли?

– Да-да, – в его очках отразились светлые пятна от оконных проемов.

Я заметил – ответил он мне механически. Мысли китайца сейчас явно были заняты чем-то другим.

– У вас и ваших людей клички вместо имен, – сказал он, не мигая глядя мне в глаза. – Могу ли я узнать ваше настоящее имя?

– Сейчас это не имеет никакого значения...

– А-а, понимаю, осторожность – прежде всего...

Он хотел добавить еще что-то, но его остановила, внезапно потрясая пространство какофония, произведенная китайскими музыкальными инструментами. Из внутреннего кар-

мана, ладно облежавшего его коренастую фигуру делового пиджака, он достал смартфон в позолоченном корпусе и, проведя куцым указательным пальцем по экрану, приложив его к уху, около минуты внимательно слушал, после чего, бросив короткое распоряжение, убрал телефон обратно.

– Мне передали, – Линг Фат вновь повесил дежурную улыбку на свое лицо – что по дороге в нашем направлении движется какой-то грузовик с зеленым тентованным кузовом. Он ваш?

– Да, – кивнул я. – Именно его мы и ждем...

– Хорошо, значит, он уже должен вот-вот появиться здесь.

Не успел он это договорить, как за воротами фермы послышалось мерное урчание двигателя. Линг Фат вновь кивнул головой, и другой помощник, до этого неподвижно стоявший за его спиной, подошел к воротам. Раздался ляг отворяемых засовов, ворота распахнулись, и внутрь фермы задним ходом заехал грузовик с закрытым брезентовым тентом кузова. Пронзительно заскрипели тормоза, и машина, вздрогнув, застыла на месте.

Выбив пыль каблуками своих лакированных «казаков», из кабины грузовика ловко выскочил мой давний друг и верный помощник во всех делах – Гарри. Широко улыбаясь, словно ковбой, выигравший главный приз на родео, он поприветствовал китайцев кивком головы и, непринужденно насвистывая себе что-то под нос, прошел к заднему борту кузова.

– Чертовы крюки, – проворчал Гарри, пытаясь его открыть и искоса поглядывая на китайцев через плечо, – вечно с ними морока...

Он несколько секунд сражался со строптивыми замками, но вскоре, откинув борт, открыл нашему взору множество больших запечатанных скотчем картонных коробок. Я помог ему вытащить из кузова и поставить на землю одну из них.

Линг Фат торопливым шагом подошел к нам и с громким треском оторвал липкий скотч от картона. Его телохранители, как я и предполагал, оказались обычными людьми с оружием в наплечных кобурах, не обученные даже азам своего ремесла, поскольку совершили одну непростительную оплошность, которую от профессионалов трудно было ожидать, и на что я очень надеялся: пытаюсь разглядеть содержимое коробки, они невольно подались вперед, упустив из виду меня и Гарри. Нам нужно было всего лишь мгновение, и мы его получили...

– Что за?! – воскликнул Линг Фат, увидев, как из глубины коробки ему сонно улыбаются плюшевые мишки.

Он гневно вскинул голову вверх. В круглых окулярах одетого на мою голову противогаза, отразилось его лицо, перекошенное от злости и неожиданности. В ответ он услышал звук, похожий на выстрел из новогодней хлопушки, за ним, тихое шипение вырывающегося на свободу усыпляющего газа. Китайцы, стремясь достать оружие, синхронно и торопливо принялись нащупывать его под своими пиджаками, но, вдохнув, перемешанный с сильнодействующим снотворным веществом воздух, словно по команде, попадали на утоптанную землю.

Я посмотрел на секундомер на своих часах, отмеряя минуту, по истечении которой, газ должен был распасться на безвредные элементы.

– Тютелька в тютельку! – воскликнул Гарри, стянув с головы противогаз. – Все произошло так, как ты и говорил!

– Да, – откликнулся я. – Наши друзья нас не обманули. Иначе, вместо китайцев, на земле валялись бы мы.

– Эти друзья нам очень дорого обходятся, – усмехнулся он. – Они по-настоящему – дорогие друзья!

– Но они действительно стоят того. Теперь мы стали богаче на два с половиной миллиона долларов. Даже брокерам с Уолл-стрит не снились такие комиссионные...

– А я был прав, – сказал Гарри, доставая из-за водительского сиденья инструментальные ножницы, – прихватив на всякий случай вот это...

Он несколько раз свел и развел в стороны их ножи, отчего в тишине раздались сухие щелчки, и направился туда, где, широко раскрыв рот, в объятиях Морфея лежал здоровяк-китаец с пристегнутым к руке кейсом. Пока мой напарник возился с цепью от наручника, я решил осмотреть Линг Фата.

Он лежал лицом вверх на земляном полу и мирно похрапывал. И, хотя на его лице застыло по-детски беззащитное выражение, в правой руке он все еще продолжал сжимать вороненый пистолет ТТ китайского производства, и указательный палец лежал на спусковом крючке. Старику не хватило какого-то мгновения, чтобы выстрелить в нас. Но это все равно, словно ему не хватило целой вечности.

Полный мрачных предчувствий, я распахнул рубашку у него на груди, и мне открылось то, чего я больше всего боялся: успев поблекнуть от времени и потерять четкость контуров, на немолодой коже Линг Фата темнела татуировка синего лотоса. Мои подозрения относительно слишком представительного эскорта обычного бизнесмена оправдались полностью.

– Черт, это – Триада! – крикнул я Гарри.

Он уже закончил возиться с цепью и убрал ножницы и кейс с деньгами в кабину грузовика.

– И что это значит?

– Нам нужно убираться отсюда как можно быстрее и как можно дальше.

– Тогда не будем терять времени, – он, ловко запрыгнув в кабину, захлопнул за собою дверь.

За это я и любил своего напарника. Он все всегда схватывал на лету, и вскоре, поднимая тучи пыли, мы неслись по тряской проселочной дороге.

На опушке леса Гарри заметно снизил скорость, и к нам в кабину, держа в руке пластиковое пневматическое ружье, запрыгнул третий участник нашей авантюры – кореец Пак Ю Хон.

– Как успехи? – спросил у него я.

Этот вопрос особо не нуждался в ответе, поскольку и без того было понятно – у Пака все хорошо.

– Как ты и предполагал, – ответил он, усаживаясь со мной рядом, – в том самом месте они и спрятали наблюдателя. Плохой наблюдатель – не охотник. Я смог незаметно почти вплотную подползти к сосне, где тот и устроил свою «кукушку», он и глазом не успел моргнуть, как я всадил в него дротик с транквилизатором. А вот винтовка у него отличная – «Драгунова», и если бы я его не снял... пах!..

Пак изобразил выстрел из своего пластикового ружья.

– Он перестрелял бы нас всех, как зайцев, ведь Гарри все равно пришлось бы сбросить скорость на этом участке дороги...

– Мы кинули на бабки Триаду, – сказал я Паку. – Я видел у их старшего татуировку синего лотоса на груди...

В кабине повисла тишина.

– Синий Лотос?! – присвистнул Пак. – Синий Лотос – это очень и очень плохо. Я слышал от одного знакомого китайца об этом клане. Синий Лотос – один из древнейших и самый могущественный из всех известных семейств Триады...

Он был потомственным охотником и с детства ходил на крупного зверя, и далеко не трусом, но я заметил, что сейчас ему стало страшно. На скулах корейца забегали желваки.

– Ничего-ничего! – подбодрил я его. – Еще не все потерянно. Если мы будем строго придерживаться небольших правил, им никогда не найти нас...

– Ты не понимаешь, Локи, – перебил меня кореец. – Это – Триада, теперь, в лучшем случае, нам придется прятаться всю оставшуюся жизнь, но скорее всего они нас найдут...

Афера, которую мы только что провернули, была самой сложной и изощренной из всех мною спланированных и воплощенных в жизнь. Она мне стоила непомерное количество сил как умственных, так и физических. Я отнесся к ней, словно поэт к сочинительству поэмы и, действительно, у меня получилось нечто редкое и прекрасное. Разве мог от этого отказаться?

– Так, у нас есть два пути, – перебил я его. – Первый – это пойти на поклон к Триаде в надежде, что они нас пощадят с извинениями вернуть им деньги. Второй – оставить их себе. Это подразумевает: не связываться с родными и с друзьями и, конечно же, не появляться у себя дома. Нам нужно будет как-то добраться до Москвы, где совсем не трудно затеряться. Там я свяжусь с одним очень влиятельным человеком. Он за умеренные комиссионные сделает нам любые документы, после этого мы сможем уехать куда угодно и начать там новую жизнь...

– Мне больше по душе второй вариант, – крутя руль, сказал Гарри. – Мы сами ввязались в это дело и теперь надо идти до конца. Мужики мы, в конце концов, или кто? Лично я себе

никогда не прощу это малодушие, если приползу на брюхе, как нашкодивший пацан, возвращая такую кучу бабок обратно. На месте китайцев, я не задумываясь пристрелил бы такое ничтожество, чтоб не мучался! Мне все равно, чьи это деньги: Триады или самого дьявола! Нам выпал шанс на безмятежную жизнь, и я не собираюсь его упускать...

– Что скажешь на это, Пак? – спросил я у корейца.

– Я выбираю второй вариант, – после недолгого раздумья ответил тот.

– Значит, решено, – подвел я итог. – Мы сейчас расходимся по долям. Мы не возвращаемся домой, мы никому не звоним, и поодиночке, – так нас труднее будет засечь, выбираемся из Хабаровского края на попутках. Позже я вам дам контактный телефон и через десять дней, от силы две недели, этого вполне должно хватить, мы встречаемся в Москве, откуда нам будет открыт путь хоть в Новую Зеландию.

– Но вначале нам нужно избавиться от своих телефонов, – добавил Гарри.

– Все верно. Сотовая связь палит наше местонахождение. И не только. Они могут нас прослушать, – я достал свой смартфон, – думаю, этого будет вполне достаточно...

И разобрал его на части. Я отсоединил от него аккумулятор и сим-карту, после этого, переломив ее, выкинул груду из пластмассы в открытое ветровое стекло. Пак молча последовал моему примеру, а Гарри, крутя руль одной рукой, другой залез в нагрудный карман своего джинсового пиджака и, достав свой телефон, протянул его мне.

– И помните, – добавил я, – не позднее, чем через две недели, вы должны быть в Москве. Кто опоздает, будет выбираться из этого дерьма самостоятельно...

– А если кто-нибудь из нас приведет за собой хвост? – ухмыльнулся Гарри.

– Об этом не беспокойся, – ответил я. – Есть множество способов это проверить, и я позабочусь обо всем. А сейчас, брат, отвези нас туда, где мы сможем спокойно разойтись долями.

Когда мы выехали на шоссе, было уже почти совсем темно. Вечер уступал место стремительно наступающей ночи, и среди облаков уже загорались мерцающие огоньки далеких звезд.

– Примерно через десять километров, – включая фары, сказал Гарри. – Будет небольшая придорожная гостиница. Там мы сможем спокойно разойтись... по долям...

– Замечательно, – кивнул я.

Гарри оказался точен, как всегда. Вскоре он припарковался на стоянке, прилегающей к одноэтажной гостинице, над крышей которой, из красной металлической черепицы, синими буквами светилась вывеска «Мотель «Роза ветров».

На этой стоянке уже приютились на ночь несколько машин. Среди них выделялся большой тягач с двухъярусной эстакадой и несколькими японскими легковыми автомобилями на ней. Под его опрокинутой вперед кабиной, где-то в недрах огромного двигателя, копошился мужик в сером комбинезоне.

Спрятав кейс в старый туристический рюкзак, мы почти беззвучно покинули кабину грузовика. Освещая засыпающие деревья синеватым светом, что был рассеян свитой из звезд, над нами парила полная Луна. На фоне черного леса одноэтажная гостиница, с яркой вывеской на крыше, походила на картинку с рекламной открытки какого-то туроператора, предлагавшего путевки на обласканные тропическими водами пляжи маленького островного государства, название которого я не помню. По-моему, ее венчала какая-то надпись: «Там время над вами не властно» или что-то созвучное этому.

Входная дверь оживила колокольчик и мы оказались в небольшом опрятном холле мотеля. На полу раскинулась длинная красная ковровая дорожка, примкнувшая дальним от нас концом к темно-коричневой деревянной стойке. За ней, в свете ночника, сидела женщина средних лет. Ее глаза поблекли от усталости, как цвет ее крашенных волос от времени, у корней которых я заметил серебристые ниточки седины.

– Что для вас? Комната? – спросила она, как только мы приблизились к ней. – Осталась только одна – двухместная.

– Она нам вполне подойдет, – ответил я.

– С вас четыре тысячи рублей, – устало вздохнула женщина и, когда я положил на стойку нужную сумму, передала мне ключ с красным номером девять на желтой треугольной бирке.

– По коридору до конца и налево, – добавила она, жестом нарисовав в воздухе зигзаг.

Комната оказалась угловой, и в ней пахло плесенью. Ее центр занимала большая аккуратно заправленная кровать на две персоны. И на нее, с возгласом полным восторга, Гарри высыпал содержимое кейса.

– Теперь я понимаю, что означает выражение – куча денег! – смеясь, крикнул он.

– У меня такое чувство, – произнес Пак, не отрывая раскосых глаз от груды купюр, громоздившейся в центре кровати. – Как будто я смотрю кино...

– Сейчас нет времени для лирики, – сказал я. – Не сомневаюсь, по нашему следу уже пущена свора китайских ищеек. Надо быстрее делить деньги и расходиться...

– Представляю себе, – хмыкнул Пак, – какой сейчас у них там поднялся переполох!

– А под китайскими ищейками ты кого имел в виду, – захохотал Гарри, – пекинесов, что ли?! Пекинесы – единственная известная мне порода китайских собак!

Но его смех прозвучал как-то невесело. И, ничего ему не ответив, я присел на край кровати и отсчитал долю Пака.

– Твои пятьсот тысяч американских рублей, – я отодвинул их от общей кучи.

– Черт! – воскликнул он. – Куда мне все это положить?!

– При гостинице, – предположил я, – есть заправка, а там продают не только бензин, но и товары в дорогу. Думаю, тебе нужно туда сходить и купить всем нам что-нибудь подходящее. Сумки или что-нибудь подобное...

– Мне ничего не надо, – сказал Гарри. – У меня уже есть рюкзак...

Пак кивнул и исчез за дверью, а я принялся делить оставшиеся два миллиона.

– В холодильнике мышка повесилась, – пробормотал Гарри, открыв нараспашку дверцу старенького холодильника. – Даже такую удачу отметить нечем! Удачу. Удачу-чу...

И я посмотрел на него. Его хмурое лицо в белом сиянии излучаемом из утробы холодильника, словно нарисованное в трафарете, сейчас служило местом, где делились свет и тьма.

И в этот миг, это мне напомнило что-то... Как если бы где-то, когда-то это уже случилось со мной. Я не помнил деталей, но суть произошедшего была точно такой же, как и сейчас:

Свет и тьма!

Но что последовало за этим? Я почувствовал, что еще немного, и смогу заглянуть в будущее. Но оно тут же ускользнуло, оставив с мрачным предчувствием.

– Рано еще отмечать, – сказал я, сглатывая подкативший к горлу комок, – отметим в самолете отправляющемся из Домодедово...

– Да я хочу чисто символически отметить, – проворчал он, – черт его знает, когда мы еще увидимся, и увидимся ли...

В его голосе я расслышал нечто похожее на то, что я почувствовал минутой ранее. Какую-то беспомощность перед неизбежным. Как если бы все причины и следствия сформировались, и ничего нельзя уже изменить.

– Увидимся, Гарри, не сомневайся, – пытаюсь придать своему голосу как можно больше оптимизма, пододвигая к нему деньги, я торжественно объявил: – Твой миллион, Гарри! Получи и распишись!

– Ого! Теперь я официальный миллионер! – глядя на деньги, воскликнул он, но в его голосе не было веселья. – Жаль только, этот момент и отметить-то нечем...

С легким скрипом открылась дверь, и в комнату вошел Пак.

– На этой чертовой заправке ничего не было, кроме этого, – он положил на кровать несколько темных полиэтиленовых пакетов. – Я на всякий случай купил каждому по два.

– Сойдет и это, – кивнул я.

Пакеты оказались довольно просторными, и, спрятав распечатанную пачку долларов во внутренний карман куртки, я аккуратно сложил свою долю денег в один из них, после чего, для надежности, связав ручки, вставил его во второй пакет. Пак последовал моему примеру.

– Ну, теперь нам нужно двигаться дальше, – сказал я, когда он закончил возиться со своими деньгами. – Первым уеду я. Лучше будет, если до Москвы мне удастся добраться раньше вас. Так я смогу заранее подготовить все необходимое для нашего вылета из страны. Как только я сяду в попутку, ты, Гарри, спрячь куда-нибудь грузовик. Спрячь его как можно лучше. Чем позже его найдут китайцы, тем больше у нас будет времени...

Взяв с тумбочки рекламный журнал, я оторвал от него два кусочка глянцевой бумаги.

– Вот номер контактного телефона в Москве. По нему им никогда нас не вычислить. Но все равно постарайтесь не попадаться. Будет не лишним напомнить, что от этого зависит ваша жизнь. Будьте осторожны и не допускайте глупостей...

С этими словами я передал каждому из них по клочку с семизначным номером.

Когда мы вышли на улицу, насупленное небо всплакнуло прореженным дождиком. Кабина тягача была опущена, и мужик в сером комбинезоне, зажав в зубах сигарету, вытирал руки цветастой тряпкой.

– Куда путь держишь? – спросил я у него.

– В Читу.

– Отлично. Подкинешь меня до Читы?

– Не могу – спать охота. Я почти сутки крутил баранку, а потом возился с двигателем этого динозавра.

Мужик кивнул в сторону своего тягача.

– Я заплачу тебе двести долларов! – я красноречиво похлопал по внутреннему карману куртки.

Выплюнув сигарету, он испытующе посмотрел мне в глаза.

– Двести баксов? Неплохое начало дня. Идет! Но деньги вперед!

– Договорились...

Две новенькие зеленые купюры быстро переключивались из моих рук в его мозолистые клешни.

Он не спеша и внимательно изучил каждую из них.

– Вроде, нормальные... Когда отправляемся-то? А баксы по дороге где-нибудь разменяем...

– Поехали прямо сейчас...

Мужик кивнул, и, распахнув перед собою дверь кабины, одним движением закинул свое громоздкое тело вверх, и там, похожий на грозное облако, подвигав задницей по обширному, словно трон сиденью, взгромоздился за рулем своего «динозавра». Вскоре огромный трак вздрогнул, исторгнув клубы выхлопных газов.

– Ну, не прощаемся! – крикнул я сквозь рокот двигателя Паку и Гарри, и крепко обнял каждого из них. – Помните, ребята, о чем я вам говорил, и тогда все закончится благополучно. До встречи в Москве!

И, словно разрывая с ними невидимую нить, я резко развернулся и поднялся в кабину трака, и только в тот момент, когда тягач начал выворачивать со стоянки на шоссе, посмотрел в зеркало заднего вида.

Продолжая стоять на том же месте, глядя ему вслед, они выглядели какими-то осиротевшими. Сентиментальность? Стараясь приободриться, я усмехнулся про себя. Раньше подобного я за собой не замечал.

– Путешествуете автостопом? – вывел меня из раздумий мужик.

– Типа того, – ответил я.

За окном навстречу проплыл дорожный знак: «Трасса М-58 „Амур“ Хабаровск – Чита». До Читы оставалось ровно две тысячи километров.

Глава 2

Я пересек два часовых пояса менее чем за одни сутки, и попрощался с водителем тягача на окраине Читы. Поездка не оказалась приятной, не только из-за ухабистой тряской дороги, а в большей мере из-за манеры моего спутника непрерывно слушать шансон. Его потрепанный тяжелой жизнью грузовик был оборудован не менее старой магнитолой с проигрывателем компакт-дисков, стоявшей на реверсе. И как только смолкали последние аккорды, в следующий миг внутри нее что-то громко щелкало, и все повторялось вновь и вновь.

После двух часов вынужденного прослушивания одной и той же музыки, которая и сама по себе не отличается разнообразием нотных вариаций, я согласен был оглохнуть, лишь бы положить конец этой пытке. Однако мысль, что, возможно, это цена, которую мне необходимо заплатить ради успешного завершения моего путешествия, приносила небольшое облегчение.

Я вышел, нет, – выпорхнул на окраине Читы из этой пыточной камеры и вскоре наткнулся на магазин спортивных товаров, где купил спортивную сумку. В нее идеально поместился мой миллион долларов, и тогда я подумал, что это хороший знак. Однако мне оставалось принять решение – как дальше. Вариантов было не так уж и много. Точнее, только два. Первый: выйти на шоссе, поймать попутную машину и, продолжить путь. Второй: задержатся ненадолго в Чите, чтобы выспаться. Больше суток мне не удавалось сомкнуть веки ни на минуту, и сон – то, что мне нужнее остального.

Первое же такси услужливо остановилось, как только я поднял руку. Через пару минут я вышел из машины у опрятной гостиницы и без особых проблем по паспорту, (разумеется, на чужое имя,) снял номер, который оказался уютной одноместной комнатой с допотопным японским телевизором и с живописным видом на привокзальную площадь.

Я решил, что для сумки, набитой долларами, самым надежным местом в нем было запыленное пространство под кроватью, и спрятав ее там, не стал тратить время на аккуратное развешивание одежды. Бросив куртку на протертую спинку выдавшего вида кресла, стянул с опухших ступней покрытые толстым слоем пыли туфли и, запустив ими в сторону двери, с наслаждением растянулся поверх покрывала, так и не сняв брюки и рубашку.

В моем положении надо быть готовым к бегству в любой момент. Еще не наступило то время, когда я смогу позволить себе спать, как все нормальные люди. Оно когда-нибудь наступит... вот, только, когда? В голове пересекались и путались мысли о Гарри и Паке, и бог еще знает о чем, но усталость взяла свое, и я провалился в пространство без сновидений.

И проснулся от чувства, что сплю слишком долго. За окном стремительно темнело. Привокзальная площадь, погружаясь в вечерние сумерки, отстреливалась от наступающей темноты светом уличных фонарей. Прекрасное время для находящегося в бегах человека.

Потраченное время на сон, я надеялся нагнать этой ночью. Путь мне предстоял неблизкий, но прежде, мне необходимо посетить гостиничный ресторан.

В ресторане оказалось почти безлюдно. И не успел я расположиться за одним из столиков у огромного, словно витрина, окна, как ко мне подскочил аккуратно причесанный официант, и с принужденно-вежливой улыбкой протянул ресторанный меню и прейскурант вин.

И вот передо мной благоухает восхитительный ужин. На огромной луноликой тарелке, соседствуя с черным рисом, уютно расположился стейк из форели, а бокал белого испанского вина пропускал через себя свет, почти его не преломляя. Старательно подавляя в себе торопливость, я с наслаждением приступил к еде, и остановился лишь после того, как последний кусочек превосходно приготовленной рыбы был отправлен в рот и запит последним глотком терпкого хмелящего напитка.

Я почти не курил, но иногда, мог выкурить сигарету-другую. Когда же это делать, как не после подобного ужина? Я уже намеревался позвать официанта, чтобы попросить принести мне сигарет, как вдруг мое внимание привлек человек, вошедший в зал. Он был азиатом и, очевидно, – китайцем. Но не это обстоятельство обеспокоило меня, ведь всем хорошо известно, что сынов и дочерей Поднебесной немало везде, где ее граница примыкает к РФ, а его слишком принужденным взгляд, брошенный в мою сторону, словно случайно, как если бы этот человек узнал меня, но постарался это скрыть. Вначале, как мне показалось, он не собирался долго задерживаться в ресторане, но почему-то передумал и принялся выбирать столик.

Словно для того, чтобы полюбоваться ночным видом привокзальной площади, я отвернулся к окну. Разумеется, ее вид меня совершенно не интересовал, поскольку все мое внимание полностью сосредоточилось на подозрительном незнакомце. Окно и сумерки за ним, послужили мне зеркалом, в отражении которого я отчетливо увидел, как китаец, расположившись за дальним угловым столиком, прожигает глазами мой затылок.

Сомнений больше нет, они меня нашли! Но как?! Неужели Пак и Гарри допустили какую-то ошибку?! Мне нужно отсюда выбираться, но вначале я должен попытаться забрать деньги из номера. Игра еще не окончена, просто чрезвычайно повысились ставки...

– Любезный! – позвал я официанта.

– Что для вас? – он тут же подскочил ко мне, растягивая улыбку едва ли не шире собственного лица.

– Ужин был сегодня отменный и поэтому, – я говорил, выкладывая перед ним на стол одну за другой четыре банкноты по сто долларов, – первая купюра – плата за ужин, вторая – тебе на чай, третья – на чай шеф-повару, а четвертая – если поможешь мне уйти через кухню. Вам все понятно?

У официанта были глаза очень сообразительного молодого человека. И я не ошибся.

– Конечно! – он покосился в сторону китайца и одним умелым движением забирая деньги со стола. – Мне надо лишь кое-кого предупредить. Я подам вам знак, когда можно будет идти...

– Еще одна просьба, – я поймал его за руку, – не долго...

– Все займет не больше минуты, – успокоил он меня и исчез где-то в недрах ресторанной кухни.

Я заметил, что туалет для посетителей примыкает к ведущему на кухню коридору, и от обеденного зала их отделяет одна плотная коричневая штора. Если бы у меня получилось

задуманное, тогда появлялся отличный шанс выиграть несколько драгоценных минут и забрать деньги из номера.

Вскоре показался мой официант. Он едва заметно кивнул мне головой. Поднимаясь с места, краем глаза я уловил, как напрягся следивший за мной китаец. Стараясь держаться как можно непринужденнее, я пересек зал и, зайдя за штору, открыл дверь в туалет. Однако в него заходить не стал, а, притворив ее обратно, скользнул в коридор, ведущий в ресторанный кухню.

– Следуйте за мной, – улыбнулся поджидавший меня там официант и, указывая дорогу, быстрым шагом пошел впереди.

Кухня состояла из множества отсеков и походила на облицованный кафелем лабиринт Минотавра. Там, среди снежной белизны, огня и пара, словно души томящиеся в царстве Аида, сновали повара.

У служебного выхода нас встретил хмурый охранник с покрасневшими от недосыпания глазами. К моему удивлению, он сидел на высоком трехногом табурете, подобном тем, что обычно стоят у барных стоек, и решал сканворд при помощи огрызка простого карандаша.

Спустившись на землю и почему-то не отрывая глаз от покрытого щербатым кафелем пола, охранник молча распахнул передо мной тяжелую железную дверь и, сделав шаг, я оказался в длинном пустынном коридоре. Двери лифта находились поблизости, но, опасаясь оказаться в ловушке, я не стал вызывать его, а, пройдя еще несколько шагов, вышел на лестницу черного хода. Что-то мне подсказывало: у меня еще есть немного времени, но оно неумолимо подходит к концу. Перепрыгивая через несколько ступенек, я взлетел на третий этаж и застыл на месте, вслушиваясь в тишину сквозь гулкий стук своего сердца.

Этаж оказался пустынным. Нигде не было видно и горничной. Встав на цыпочки, я подкрался к двери своего номера и приложил к ней ухо. За ней царил тишина. Мне понадобилось две-три секунды, чтобы вдохнуть воздух, открыть номер магнитным ключом, и, как только замок защелкнулся за мной, тут же закрыть его на все обороты, и лишь затем облегченно выдохнуть.

В комнате все находилось на своих местах, и заветная сумка с деньгами лежала на прежнем месте. Не теряя драгоценных секунд, я перекинул ее лямку себе через голову. Настало время подумать, как мне выбираться из гостиницы, и принимать решение необходимо как можно быстрее. Выйти через центральный вход? Безумие! Нет никаких сомнений: китайцы следят за ним и ждут, чтобы я преподнес им такой подарок. Есть более верный путь...

Подойдя к окну, я открыл его нараспашку. Двумя этажами ниже, над центральным входом, протянулся бетонный козырек. Если мне удастся спрыгнуть на него, не переломав себе ноги, то это значительно повысит мои шансы уйти из гостиницы незамеченным. Но в тот момент, когда я уже собирался взобраться на подоконник, чудовищной силы удар выбил дверь моего номера. Не успел я опомниться, как в комнату ворвались несколько китайцев. Среди них был Линг Фат, и его гигант телохранитель. Очевидно, зияющий пустотой дверной проем был делом его рук. Но сейчас он держал за воротник куртки избитого до полусмерти Гарри.

– Мистер Ло Ки, – ехидно улыбаясь, протянул Линг Фат, – хочу вас поздравить с хорошей попыткой ограбить нас. Но ваша беда в том, что вы нас недооценили...

Он щелкнул пальцами в воздухе, и здоровяк ударил ногой Гарри под колени. Тот, громко охнув, рухнул на пол, словно подкошенный. Раздался щелчок снимаемого с предохранителя пистолета, и я увидел, как цилиндрический глушитель замер у затылка моего друга.

– Локи, – облизав разбитые губы, пробормотал он. – Они убили Пака...

Я заставил себя посмотреть на него. Его измочаленное лицо походило на сине-красную сливу, а волосы некогда пышной шевелюры Гарри склеились бурыми колтунами. Он тоскливо смотрел на меня черными от боли зрачками через узкие щели фиолетовых раздувшихся век.

Линг Фат вывел из-за спины руку, и я увидел, что все это время он держал в ней плюшевого мишку, – одного из тех, что находились в той картонной коробке. Китаец демонстративно приложил игрушку к затылку Гарри, а другой рукой достал из-за брючного ремня пистолет с накрученным на стволе глушителем. Он медленно поднес его к игрушке.

В тот момент, как только я понял, что сейчас произойдет, время для меня остановилось. Оно стало тягучим, словно состояло из карамели. И когда указательный палец Линг Фата начал движение вместе с курком пистолета, я развернулся и бросился к открытому окну.

Я не слышал звука выстрела и не видел, как по номеру разлетаются фрагменты мозгового вещества Гарри, но, когда мои ноги встретились с бетоном козырька, твердо знал, как если бы видел это собственными глазами: моего друга больше нет среди живых.

Мой каскадерский трюк прошел удачно. Навыки, приобретенные во время службы, не прошли даром, и я смягчил столкновение с поверхностью, совершив кувырок через голову. Выбивая из козырька фонтанчики бетонной пыли, рядом со мной, одна за другой, ударили две пули. Китайцы стреляли в меня из открытого окна номера. Болтающаяся на шее сумка сильно сковывала мои движения, но, несмотря на это, чтобы достичь края козырька и спрыгнуть с него на землю, мне понадобилось не больше двух кратких мгновений. Почувствовав почву под ногами, я обежал здание гостиницы и углубился в темный переулок.

Темнота была на моей стороне, но в каждом причудливо изогнутом дереве я видел притаившегося врага, всякий куст казался мне источником опасности и, пока силы полностью не покинули меня, потеряв всякое представление о времени, еще много раз сворачивал с одной улицы на другую.

По моим ощущениям, ночь уже давно пересекла собственный экватор, когда мне, чтобы перевести дух, пришлось остановиться в тени забора, ограждавшего какую-то стройку. Я чувствовал как, грозя выскочить наружу, бешено бьется о ребра мое сердце, а дыхание было таким громким и частым, что казалось, оно способно разбудить жильцов соседнего дома.

Времени на отдых у меня не оставалось, как и на долгие размышления над тем, что мне делать дальше. Впрочем, выбирать ли мне из города как можно быстрее или нет, – об этом рассуждать было незачем, два варианта: задержаться в Чите и покончить жизнь самоубийством – для меня были равнозначны.

Но, несмотря на страх, какая-то незамутненная сущность внутри меня не переставала удивляться тому, насколько быстро китайцы разыскали нас. Очевидно, Триада глубоко пустила

в этих краях свои корни. Разве могли быть какие-то сомнения, что для подобного быстрого и оперативного розыска необходима разветвленная, хорошо отлаженная агентурная сеть и, конечно же, «свои люди» в полиции?

«Локи, они убили Пака!» – вспомнил я слова Гарри, похожие на стон.

Реальность была неумолима, Пака и Гарри больше нет среди живых. И в этом есть моя прямая вина. Но на угрызения совести времени не оставалось. Им уже ничем не помочь, а сожалениями, пускай и очень горькими, их, увы, к жизни вернуть невозможно. Когда-нибудь потом реальность догонит меня, я буду вливать в себя алкоголь мегалитрами, пытаюсь потушить этот пожар. Это будет потом, а сейчас мне нужно бежать...

Дыхание стало заметно успокаиваться. Вдруг, распугав темноту, меня осветили фары автомобиля. Я вжался в забор с такой силой, что сам с трудом мог определить – где заканчивается он, а где начинается мое тело. Но, к моему облегчению, это были «Жигули» шестой модели, на чьей крыше, умиротворенно светился желтый колпак с черными шашечками. Вряд ли Триада, разыскивая меня, стала бы рыскать по городу на стареньких авто советского производства, тем более на такси.

Автомобиль остановился на противоположной стороне улицы. В салоне вспыхнул желтый рассеянный свет, и через лобовое стекло мне хорошо было видно, как сидящий на переднем сиденье мужчина расплачивается с водителем. Почти одновременно с хлопком двери, пассажир растворился во тьме проулка, а я тут же отлепился от забора и заглянул в салон такси.

– Земляк, не подкинешь? – спросил я у темноволосого, с орлиным профилем таксиста.

– А куда тебе? – откликнулся тот с заметным кавказским акцентом.

– Куда-нибудь подальше отсюда!

– Садись.

Мы ехали молча несколько минут, когда таксист вновь спросил у меня:

– Все же куда тебе надо?

Но меня осенила идея.

– Сколько стоит твоя машина? – спросил я у него.

– Что?! – он выпучил на меня глаза. – Э-э! Я спрашиваю, куда тебе надо? Какая разница, скажи ты мне, сколько стоит моя машина?

Наверное, он решил, что я хочу посмеяться над его стареньким авто. Гипертрофированное чувство собственного достоинства этого человека было похоже на нарывающую рану, каждое прикосновение к которой вызывало гневную вспышку.

– Я серьезно спрашиваю! – мне пришлось вложить в свой голос как можно больше убедительности. – Сколько стоит твоя машина?!

– Сто пятьдесят тысяч, – в его глазах вспыхнуло любопытство. – А что?

– Я дам тебе пять тысяч баксов, – ответил я, понимая, что он завысил цену как минимум в пять раз, словно его машина уже перешла в разряд ретро. Но разве у меня был выбор?.. – При условии, что ты отдашь мне ее прямо сейчас...

Мое предложение оказалось настолько неожиданным, что кавказец резко свернул на обочину дороги и заглушил двигатель.

– Не врешь? – в его глазах сомнение боролось с надежной. – Если не врешь, дорогой, я смогу себе такого японца купить! Вай!

Я сделал то, что было лучше всяких слов, а именно: достал из нагрудного кармана куртки пухлую пачку долларов и помахал ей перед его носом.

– Я согласен, дорогой!

– У меня есть еще одно небольшое условие, – я убрал деньги обратно.

Он с тоской в глазах проводил взглядом мою руку.

– Какое, дорогой?! – все невербальные сигналы этого человека гласили о том, что оно уже выполнено.

– Ты не рассказываешь никому о нашей встрече и только через три дня заявишь в полицию об ее угоне. Этим ты убережешь от неприятностей, прежде всего, самого себя. Идет?

– Идет!

Я вновь достал деньги и отсчитал на приборную панель пятьдесят банкнот с портретом президента Франклина. Таксист сопровождал каждое мое движение еле заметным кивком головы, и его губы шевелились в унисон шуршанию денег. Затем он взял верхнюю купюру и слегка замялся.

– Хочешь проверить, не фальшивая ли она?

– Это не от недоверия к тебе, – пробурчал он. – Но такое не каждый день случается, так ведь?

– Все нормально, – сказал ему я. – Валяй...

Кавказец включил в салоне свет и принялся внимательно изучать банкноту. Он складывал ее, смотрел сквозь нее на свет, скоблил по ней ногтем. А потом... потом он проделал то же самое с каждой из пятидесяти ее товарок.

Я с тревогой наблюдал за его манипуляциями и удрученно думал: о драгоценном времени, что теряю из-за крайней недоверчивости этого человека, и о китайцах, которые к тому моменту могли уже взять под наблюдение все дороги, ведущие из Читы. Но мне ничего не оста-

валось, как молча ждать и надеяться, что удача и дальше будет на моей стороне. В конце концов, что мне еще оставалось делать?.. Только надеяться.

– Вроде, все хорошо! – воскликнул таксист, рассовывая деньги по карманам и снимая с держателя навигатор.

– У тебя есть карта местных дорог? – спросил я.

– В бардачке, дорогой, есть все, что тебе необходимо. А вот документы на машину я заберу. Они ведь тебе не нужны?

– Нет.

– А с машиной-то что собираешься делать?

– Думаю, ты больше никогда ее не увидишь.

– Отлично! Тогда я смогу получить еще страховку по угону!

Мы вышли на безлюдную улицу.

– Ну, теперь эта колыхага твоя, – он похлопал автомобиль по покрытому пятнами ржавчины капоту и, подняв глаза к черному, затянутому облаками небу, на котором было не видно ни одной звезды, восхищенно добавил: – Какая сегодня ночь очень красивая!

– Не забудь, – я снял таксидомкрат с крыши машины, и сунул ему в руки. – Мне нужно всего лишь три дня.

Кавказец со вздохом посмотрел на него, а потом, словно подводя черту под прошлым, размахнулся и бросил его в придорожный кустарник.

– Будь спокоен, дорогой! – насвистывая себе под нос мелодию из национального фольклора, он ушел прочь.

Машина чихнула, но завелась с первого раза. Мятая, протертая в изгибах карта помогла мне быстро сориентироваться и, выехав на шоссе, я разогнался до сто двадцати километров час. Это могло обернуться смертельным испытанием для моей старушки, но мне необходимо было нагонять упущенное время, и как можно быстрее выбираться из контролируемого Триадой региона, в надежде, что их могущество ограничено им.

Обступившая меня, темная, словно чернильная клякса ночь, ничем не отличалась от затаившегося впереди будущего. Желтый свет фар, отразился от дорожного знака, который гласил: «Трасса М-55, Чита – Улан-удэ – Иркутск». До Улан-удэ оставалось шестьсот восемьдесят километров.

К тому моменту, когда в отражении зеркала заднего вида мною были отмечены первые розовые всполохи наступающего утра, я вымотался настолько, что, казалось, еще немного

и силы оставят меня полностью. От пережитого и напряженного всматривания в дрожащее пятно света фар глаза устали настолько, что когда я отрывал их от дороги, росшие вдоль шоссе сосны бескрайнего леса, казались мне непрерывным забором, окрашенным в грязно-коричневый цвет.

Однако страх продолжал гнать меня дальше и не давал передышки. И я решил, что остановлюсь лишь тогда, как только совсем потеряю способность видеть дорогу, после чего сверну куда-нибудь в какое-нибудь укромное место, и, наконец, позволю сознанию покинуть себя. А до тех пор мне оставалось только одно – жать на газ до упора. Только в этом случае у меня появлялся шанс выбраться из этой переделки.

Но, как это часто бывает, надеясь на одно – ты получаешь совсем другое, и этот недооцененный плод прогресса, эта куча гниющего металла не собиралась подстраиваться под мои планы. В битве за выживание, у меня не было времени вспомнить о том, что у машин рано или поздно заканчивается топливо. И ни уговоры, ни проклятия, ни молитвы не заставят сдвинуться с места этого покрытого пятнами ржавчины недоноска даже на миллиметр. Красная лампочка на приборной панели вешала, что бензин в его баке может кончиться в любую минуту, и знаку, сообщающему, что АЗС будет через триста метров, я обрадовался, словно смертник указу о помиловании.

Подъехав к АЗС, я не стал заезжать на нее сразу, а несколько минут постоял в отдалении, наблюдая за ней. Она состояла из большого павильона с минимаркетом и кафе на три столика, рядом с которым, под навесом из металлочерепицы, приютились пять топливных постов. Асфальтированная площадка перед ними оказалась хорошо освещенной и, к моему облегчению – пустынной. Сквозь прозрачное стекло витрины мне открывался вид на скусающего у кассы продавца, что-то рисующего ручкой на обрывке бумажного листа.

Я дернул ручку входной двери на себя, и продавец, уже немолодой мужчина с убеленными сединами висками и роскошными густыми усами, воодушевленно вскинул голову мне навстречу.

– Здравствуйте, – поздоровался он со мной первым.

– Здравствуйте, – эхом откликнулся я.

– Что вам угодно?

– Тридцать пять литров девяносто второго, пожалуйста, – я немного удивился не столько необычному для этих мест, по своей форме, вопросу, но, в большей степени, непринужденности, с которой он был мне задан. Продавец предстал передо мной эдаким Григорием Печоринным, который из-за своей природной эксцентричности либо вечной борьбы со скукой вдруг решил немного поработать продавцом на АЗС.

– Один момент, – проворковал Печорин, шелкая клавишами. – Первый пост, пожалуйста!

Я заправил бак машины до отказа, и теперь бензина ей должно хватить надолго. Двигатель, перед тем как завестись, вновь чихнул, и это являлось очень недобрый знаком. Не хватало еще, вдобавок ко всем моим проблемам, лишиться средства передвижения посреди этого, не имеющего края, леса. Но эти мысли были уже не способны ухудшить мое настроение.

Выезжая с территории АЗС на шоссе, я отметил, что небо на востоке уже покраснело. Однако проехав совсем немного, каких-то двадцать—тридцать метров, мне пришлось остановить машину на обочине и заглушить двигатель. Проклятая рассеянность! Как я мог забыть купить воды и продуктов? В моем положении нельзя пренебрегать любой возможностью запастись едой и напитками. И я пошел обратно пешком.

У самой границы между темнотой и светом, льющим из осветительных мачт АЗС, я замер на месте. С трассы, мигая правым указателем поворота, на нее заезжал черный джип японского производства. Внутренний голос настоятельно требовал не выходить на свет и оставаться для людей, сидящих в нем, невидимым.

Подозрительный автомобиль встал вблизи дверей павильона, что насторожило меня еще больше, поскольку это означало одно – те, кто находятся внутри него, здесь не ради бензина. Но, как только его двери открылись, мое сердце чуть не выскочило из груди: из джипа вышли двое азиатов, и я сразу узнал одного из них – это был богатырь-телохранитель Линг Фата! Подавив в себе острое желание убежать, я застыл на месте. Таким образом, у меня сохранялась возможность оставаться невидимым для китайцев, а, значит, мне выпадал шанс, узнать для себя что-нибудь очень важное.

Водитель из джипа не вышел и двигатель не заглушил. Он неторопливо курил, сидя за рулем. Мне хорошо был виден вспыхивающий при каждой затяжке красный огонек. Мои преследователи, (разве могли быть сомнения, что они здесь ради меня?), переговариваясь короткими репликами на китайском языке, зашли в павильон и сразу преступили к допросу продавца.

Он отвечал им охотно, сдабривая свои слова богатой жестикуляцией. Гигант достал из внутреннего кармана своего пиджака какой-то небольшой прямоугольник и положил его перед ним на стойку. От страшной догадки мое сердце подпрыгнуло и тут же рухнуло в пропасть. У них была моя фотография! И продавец, лишь мимолетно бросив на нее взгляд, стал эмоционально указывать пальцем в сторону двери. У меня не оставалось ни секунды и, стараясь за один шаг покрывать как можно большее расстояние, я бросился к машине.

За спиной громко, словно выстрел, одновременно хлопнули две двери джипа. Проворачивая ключ зажигания, я молил небеса лишь об одном – чтобы двигатель колымаги не подвел меня сейчас. И удача по прежнему была ко мне лицом, он завелся с первого оборота! Стирая резину колес об асфальт, я вывернул с обочины и, выжимая из него все возможности, и даже больше, лавируя между еле плетущихся машин, словно лыжник гигантского слалома понесся на запад.

В зеркале я увидел, что черный джип, рискуя вылететь на встречную полосу, выскочил следом за мной. Между нами было примерно метров пятьдесят и, несмотря на мои усилия, это расстояние медленно, но сокращалось. Сидя за рулем «шестерки», мне не приходилось рассчитывать на победу в скорости над представителем японского автопрома. Но у меня не было иного выхода, как только жать до упора на педаль газа и надеяться на чудо, поскольку только оно могло спасти меня.

Редкие машины, попадавшие мне на пути, становились невольными помощниками моих преследователей. Трасса на этом участке имела всего две полосы и, обгоняя их, мне часто

приходилось выезжать на встречную. Это было очень рискованно, несколько раз я успевал завершить маневр лишь перед самым носом встречного автомобиля. Их водители протестовали против такого безрассудства истошным гудением клаксонов. Но откуда они могли знать, что в моем положении, гораздо худшим было – этого не делать? За мной гнались убийцы и, вспоминая лицо Гарри, я понимал: если они, поймав меня, просто пристрелят – такой конец окажется не самым плохим.

Вдруг, засыпав салон маленькими блестящими кубиками, с громким хлопком разлетелось заднее стекло моей машины. Я не мог поверить собственным глазам, когда увидел в отражении зеркала, высунувшегося по-пояс из люка в крыше джипа телохранителя Линг Фата, который целился в меня из автомата Калашникова. Темный, на фоне лучей восходящего солнца, силуэт его громоздкой фигуры напоминал грудную мишень на стрельбище. Но существенная разница состояла в том, что эта мишень целилась в меня, а не наоборот.

Это оказалось полной неожиданностью для меня. Я не мог даже предположить, что китайцы способны на подобную наглость и начнут стрельбу там, где было полно свидетелей – посреди федеральной трассы. Из своего опыта я знал, что люди их «профессии» предпочитают решать свои дела скрытно, то есть не привлекая к себе внимания. Видимо, я недооценил степень их желания разделаться со мной и, конечно же, абсолютную уверенность в собственной безнаказанности. Очевидно, таким образом они хотели заставить меня прекратить гонку и сдаться. Но это возымело совсем иное действие с моей стороны, ведь я твердо решил – не даваться им в руки живым, поэтому, сжав руль с такой силой, что фаланги моих пальцев побелели, я глубже утопил педаль газа в пол

В следующую секунду сотней стеклянных брызг, перед моим лицом разлетелось лобовое стекло, и только благодаря чуду мне не выбило глаза. Но мое положение от этого оказывалось немногим легче, поскольку я все равно ничего не мог видеть перед собой. Прохладный утренний воздух с силой и восторгом водопада ворвался в салон машины и, словно прессом прижал меня к спинке кресла. Преодолевая его сопротивление, я поднял руку и ощупал солнцезащитный козырек. Удача! Интуиция вновь не подвела меня – там, как я и ожидал, находились солнцезащитные очки, – один из самых часто используемых атрибутов таксиста. Но, когда они оказались на моем лице, видимость меня не сильно удовлетворяла, ведь утро только наступало, а очки были все же «солнцезащитные», но теперь я мог вести машину, и это значит: шанс на спасение все еще оставался.

Я вложил «старушку» в крутой поворот, мне показалось, что она вот-вот развалится на части. Словно пораженные артрозом, ее механические суставы скрипели жалобно и обреченно. Она накренилась на левый бок настолько, что я без усилия смог бы коснуться покрытия трассы. Но все обошлось благополучно и через несколько метров мы влетели в темное жерло тоннеля.

Там мне пришлось немного сбавить скорость, но все равно она оставалась довольно высокой – сто километров в час. Практическое самоубийство. Но китайцы находились в каких-то десяти-пятнадцати метрах позади меня, и более верным самоубийством являлось бы решение сбросить ее ниже.

Перед тоннелем здоровяк спрятался в салоне джипа, но китайцы приблизились ко мне настолько, что когда тот закончится, ему будет несложно расстрелять меня почти в упор. Необходимо было найти возможность оторваться от них, и когда передо мной возник «хвост» едва

плетущегося лесовоза, я чуть не зарыдал от досады. Идти на обгон в тоннеле – смертельный номер. Но разве у меня имелся выбор? И я вывел машину на встречную полосу.

Вначале все шло довольно неплохо. Встречный путь оказался свободным, но лесовоз был с прицепом, и мне показалось, что он длинной не меньше километра. Когда же я сравнялся с его тягачом, водитель, глядя на меня круглыми от ужаса глазами, красноречиво покрутил пальцем у затронутого сединою виска.

И в тот же миг боковым зрением я уловил что-то огромное, что приближалось ко мне, словно неумолимый страшный рок. Им оказался исполинский красный газовоз, выскочивший в нескольких десятках метров предо мною, точно демон из преисподней. Мысль, что это конец, всплыла в мое сознание спокойно, будто я смотрел за происходящим со стороны. Инстинкт самосохранения все еще управлял моим телом, но разум, словно неожиданно для себя став зрителем фильма в стиле артхаус, наблюдал за этим представлением со скучающим безразличием.

Никелированная решетка тягача, везущего цистерну с морем сжиженного пропана, отражая свет желтых проблесковых маячков, приближалась ко мне, словно прыжками. От сумасшедшего мелькания лучей в тоннеле стало светло, как солнечным днем. Но, возможно, это мой перегруженный разум в последние мгновения жизни решил вдруг сыграть со мной в странную игру. Газовоз вострубил, подобно архангелу Михаилу в преддверии апокалипсиса, и этот разрывающий ушные перепонки звук отразился от бетонных стен тоннеля тысячекратным эхом.

Красный монстр уже находился в нескольких метрах передо мной, когда что-то невыразимое, вдруг завладев моим телом, вытолкнуло его из машины на асфальт. Голова столкнулась с чем-то очень твердым. Перед глазами вспыхнул ослепляющий свет фиолетового солнца и меня поглотило темное ничто.

Глава 3

Когда мое сознание выплыло из черной дыры, первое, что я почувствовал – боль. Она была такой силы, что вначале мне показалось, будто моя голова стала похожа на вареное яйцо, которое достали из заднего кармана джинсов. Следующим красноречивым признаком моего возвращения к жизни был сильный приступ тошноты.

Меня вырвало чем-то отвратительно кислым, и я открыл глаза. Сквозь фиолетовую полутьму, предо мной проступила стена тоннеля, у основания которой, широко раскинув руки, я лежал на животе.

Мне было очень больно, а это означало лишь одно – я все еще жив. Но, пытаясь вспомнить хоть что-нибудь из того, что произошло после моего прыжка из машины, память давала сбой, проецируя у меня перед глазами нечто похожее на «Чёрный квадрат» Малевича.

Однако лицо президента Франклина отразилось в ней отчетливо. Его хитрая ухмылка манила, словно далекая мечта, и я заставил себя пошевелиться. Обнаружив, что все конечности моего тела работают безотказно, я отважился на попытку отжаться от пола. Голова откликнулась на это резким приступом мучения и, застонав, я распластался на земле.

Как странно, я не услышал звука собственного голоса! Я удивился этому, сквозь чувство мучительного жжения, похожее на мерцающий, но постепенно затухающий уголек. Оно уменьшалась медленно, пульсируя где-то в районе правого виска, и, как только стало размером с десятикопеечную монету, я осторожно перевернулся на спину. Боль откликнулась на это кратковременной вспышкой и тут же стихла вновь. Ободренный этим, преодолевая сильную слабость в спине, я попробовал сесть. Когда же это у меня получилось, то я обрадовался даже такому пустяку, как возможности сидеть, и, несмотря на головокружение, ощутил небольшой прилив энтузиазма.

Сколько сейчас времени? Я поднес к глазам запястье левой руки, но, к сожалению, часы оказались разбитыми. Расстегнув ремешок, я с досадой бросил их в темноту. И вновь не услышал ничего. Как будто они не упали на землю, а, вопреки гравитации, остались висеть где-то в сумраке.

Объявшая меня темнота была бы абсолютной, однако странное фосфоресцирующее свечение не позволяло мраку вокруг меня воцариться полностью. Но что служило ему источником? Борясь с головокружением, я с трудом поднялся на ноги. Похоже, его излучали сами стены. Необъяснимое, мистическое сияние, мерцая, исторгалось из трещин в опаленном бетоне. Что это? Я поднес к стене ладонь. Фиолетовые блики отразились на ней с едва заметной пульсацией.

Неважно, откуда и как это свечение появилось, оно поможет мне найти мои деньги, ведь, если я все еще жив, то сохранялась вероятность, что они также остались целы. Но для того, чтобы убедиться в этом или обратном, мне, вначале, необходимо разыскать свою машину. И, оттолкнувшись от стены, я сделал шаг вглубь тоннеля.

Тишина была настолько плотной, что я не услышал даже собственных шагов. Возможно, я потерял слух из-за взрыва. Опаленный, покрытый копотью и растрескавшийся бетон указывали на то, что здесь произошел именно он, и не трудно догадаться, что случилось это из-

за цистерны сжиженного пропана. Память спроецировала передо мной короткий видеоролик, в котором я мчусь навстречу гигантскому красному тягачу. И это оживило неприятный холодок между лопаток. Если мое предположение верно и здесь действительно была детонация газа, то меня вполне могло контузить. Однако и моих ушей не шла кровь, а значит, причина тишины заключалась в чем-то другом.

Обыскав карманы брюк, я вновь ощутил небольшое воодушевление: моя зажигалка осталась при мне. Она зажглась с первого же поворота колесика и вот желтый, абсолютно неподвижный свет от ее огонька выхватил из темноты джип, находящийся в нескольких шагах от меня. Мне не нужно было вглядываться в него долго, чтобы понять – это машина китайцев.

Я осторожно приблизился к нему и с удивлением обнаружил, что на нем полностью, до металла счищена краска. Все выглядело так, будто во время моего нахождения в темном ничто, в тоннель прибыла бригада автомобильных маляров, удалила с джипа всю краску, а потом вдруг исчезла, закончив свою работу лишь наполовину. Но удивительней этого было его положение в пространстве – джип вовсе не стоял на дороге, как это показалось мне вначале, а соприкасался с ней лишь задней парой колес, тогда как передняя пара весела в воздухе.

В надежде найти этому объяснение, я два раза обошел машину кругом, но все выглядело так, как на представлении иллюзиониста Дэвида Копперфильда: громоздкий автомобиль без видимой поддержки со стороны, продолжал соприкасаться с дорогой лишь задними колесами, уставившись своими круглыми фарами в сгущающуюся у потолка темноту.

Я осторожно взялся за ручку двери, и она беззвучно отворилась. Салон машины оказался абсолютно безлюдным. Ни трупов, ни иных следов указывающих на то, что здесь недавно находился кто-то, мне найти не удалось, как если бы китайцы одновременно испарились.

Однако, вместе с удивлением, я одновременно испытал огромное облегчение, ведь теперь мне можно спокойно, не озираясь по сторонам, заняться поисками своих денег. И положение джипа указывало, в какую сторону мне следовало идти. Но не успел я совершить и двух-трех неуверенных шагов, как споткнулся обо что-то твердое, и растянулся на дороге, выронив зажигалку. Боль взорвалась вулканом в моей голове и меня вновь поглотило ничто.

Мое возвращение в сознание немногим отличалось от его потери, поскольку эти два состояния одинаково наполнялись тьмой и тишиной. Однако теперь, мне, пускай даже сквозь мучительное жжение в правом виске, подчинялись тело. И я принялся ощупывать поверхность земли перед собой. Что это? Пальцы соприкоснулись с каким-то цилиндрическим предметом. Его поверхность оказалась гладкой, и, по-ощущениям, похожей на пластмассу. Хвала богам! Им оказалась моя зажигалка. Мгновение, и желтый огонек отодвинул от меня темноту.

В памяти отразился высунувшийся по пояс из люка в крыше джипа телохранитель Линг Фата. Где сейчас находился сам стрелок – оставалось для меня загадкой, однако его оружие находилось передо мной. Это был автомат Калашникова: складной укороченный – АКСУ, которого из-за своих неважных стрелковых качеств, а также благодаря последним двум буквам аббревиатуры, пренебрежительно прозвали в войсках – «сучка». Благодаря ей я сейчас едва живой лежал на асфальте. Дабы избежать подобных падений в будущем, с трудом встав на ноги, я приблизился к стене, и, медленно побрел вдоль, опираясь на нее.

Огонек зажигалки уменьшился и сильно померк. Увы, в ней почти не осталось газа. И тогда я решил идти дальше при помощи таинственного излучения, выделяемого сводом тоннеля. Хотя это и очень непросто, поскольку в фиолетовой полутьме я не мог ничего видеть и в метре перед собой, но этот свет все-таки позволял мне, пускай и медленно, совершать шаг за шагом вперед. Мое продвижение оказалось недолгим, поскольку путь мне преградило, что, применив воображение, можно было бы назвать «завалом из бревен», но точного определения этому я дать не могу, поскольку уверен – нигде во вселенной невозможно встретить ничего подобного.

Опаленные бревна походили на выскользнувшие из ладони гигантские спички, которые почему-то решили не падать на землю, а зависнуть в воздухе. Нашупав зазоры, куда могло пройти мое тело, сдирая с бревен опаленную кору, я стал с трудом протискиваться вперед, надеясь, что не застряну среди них окончательно.

По ощущениям, поскольку двигаться мне приходилось осторожно, это заняло у меня много времени, и, как только я вылез с другой стороны «завала», тут же наткнулся на знакомый прицеп от лесовоза. Отцепленный от трака, он парил над дорогой. Сам же тягач находился неподалеку и, подобно цирковому акробату или танцору фристайла, выполняющему стойку на обеих руках, уперся в землю передней колесной парой, не касаясь ее задней. В памяти возникло испуганное лицо водителя, крутящего пальцем у виска. Но, как я и ожидал, в кабине не оказалось ни чего, что бы указывало на его недавнее присутствие в ней.

Следуя привычке, я закрыл за собой ее дверь и ощущая кожей, что цель моих поисков близка, продолжил свое движение дальше и, через несколько метров обнаружил свою машину. Словно поддерживаемая невидимой рукой, она зависла в воздухе в нескольких сантиметрах над дорогой, и вид ее вызвал ощущение холода между моих лопаток, поскольку, в этот миг, я переполнился восторгом с примесью благоговейного страха. Черт возьми, после того, что мне удалось пережить, разве возможно не поверить в чудеса?! Но эти чувства быстро отступили на задний план. Мне необходимо заканчивать то, ради чего я с таким трудом сюда добирался.

Ни одна из дверей, как это и должно было случиться, не открылась. Их заклинило в искореженном кузове автомобиля, и тогда мне пришлось влезть в него через разбитое заднее окно. Увидев сумку, я ощутил, как мое сердце радостно заныло. Огонь коснулся ее лишь слегка и, слегка припорошенная осколками стекла, она находилась между задним пассажирским и водителем сиденьями.

Опустив на асфальт, я попытался расстегнуть ее молнию, однако при этом у меня не получилось сохранять хладнокровие. От волнения мои руки заметно дрожали. Мне долго не удалось справиться ни с нервами, ни со строптивым замком. Устав сражаться с обоими, я сильно дернул за материю сумки двумя руками, опаленная ткань разошлась легко и беззвучно, и, увидев добродушный прищур президента Франклина, я облегченно выдохнул – деньги не пострадали. прикрыв курткой дыру в сумке, мне оставалось лишь отправиться на поиски выхода, ведь теперь у меня было все, что нужно.

Мне было хорошо известно, что где-то в тоннеле обязательно должен находиться аварийный ход с лестницей наверх, которыми обычно пользуются дорожные ремонтные бригады. В какой стороне следует его искать – я не знал. Понимая, что в подобной темноте найти его будет не просто, пришлось положиться на интуицию, однако через несколько шагов я наткнулся на радиаторную решетку газовоза.

Чиркнув колесиком зажигалки, я ощутил знакомый холодок благоговейного страха между лопаток. Представшее предо мной зрелище, затмевало все, что я видел до этого: в рассеянном желтоватом свете проявился огромный трак, который висел в воздухе, словно не обладал массой и едва не соприкасался бампером с землей. Исковерканное тело цистерны, парило рядом с ним, с огромной рваной пробоиной, похожей на раскрытую в немом реве зубастую пасть, разломившую ее пополам.

Итак, я нашел подтверждение своей догадке: здесь произошла детонация газа. Хотя само по себе это мало что объясняло, поскольку висящие в воздухе машины и бревна, а также стены в фиолетовом сиянии, одним только взрывом объясняться вряд ли могли. Все увиденное мною, слишком походило на галлюцинацию сумасшедшего. Возможно, потом, после того, как я выберусь отсюда, мне удастся разобраться во всем. И, словно слепой, время от времени натываясь на зависшие над землей автомобили, я еще долго бродил в темноте, пока не обнаружил искореженный прямоугольник железной двери без навесного замка, что, несмотря на сильные повреждения, легко отворилась. За ней находился бетонный колодец и узкая лестница, сваренная из железных прутьев, по которой я быстро взобрался и откинул люк.

Шуршанием, шепотом, скрежетом – словно стихийное бедствие в мою голову ворвались тысячи звуков. Но со зрением все обстояло гораздо хуже: как будто наполненные песком, глаза сильно слезились и у меня никак не получалось разомкнуть веки. Последние две ступеньки я преодолел на ощупь, и еще несколько минут неподвижно лежал на земле, судорожно вдыхая воздух, который почему-то оказался очень горячим. Постепенно окружавшие меня предметы становились все четче, но вместо густого хвойного леса я обнаружил искривленные, больше похожие на кустарник низенькие деревца.

– Боже, где это я?! – выдохнул я, увидев растущие из песка маленькие, не выше человеческого роста, покрытые лишайником сосны.

Что здесь произошло? Какая катастрофа? Сколько времени я находился в тоннеле? Эти и еще множество вопросов безостановочно вспыхивали в моей голове. Озираясь, я поднялся на ноги. И не смог различить и намек на то, что здесь по-близости проходило шоссе. Очевидно, оно заросло этими нелепыми подобиями деревьев. Все выглядело так, как будто я находился не в Забайкалье, а, судя по обжигающему легким воздухом, в какой-то пустыне.

– Эй, внизу! – сверху донесся ко мне чей-то голос. – Тебе нужна помощь?

Я поднял голову вверх, но солнечные лучи ослепляли меня, и мне ничего не оставалось как защититься от них с помощью козырька из приставленной ко лбу ладони. И увиденное, чуть не лишило меня чувств – в нескольких метрах над моей головой, в воздухе беззвучно зависла гигантская серебристая сигара, отдаленно похожая на цеппелин времен первой мировой войны. Из ее гладкого сверкающего на солнце бока ко мне молниеносно выдвинулась небольшая площадка с поручнем. Я отшатнулся от нее и едва не спрыгнул обратно в колодец, но что-то заставило меня остаться на месте.

– Становись на эту площадку, друг! – голос незнакомца был очень радушным. – И тогда ты сможешь подняться ко мне.

Это немного успокоил меня. Встав на площадку, я взялся обеими руками за поручень, и она быстро потащила меня вверх. Серебристый борт «сигары» стремительно увеличивался передо мной в размере, я зажмурил глаза, но в следующее мгновение очутился в прохладном круглом помещении. За моей спиной с легким жужжанием свернулась диафрагма, и быстрая смена яркого солнечного света на полутьму вновь ненадолго ослепила меня.

– Как ты оказался посреди этой пустыни, друг? – послышался знакомый заботливый голос.

Светлые пятна медленно растворились, и я увидел перед собой странного человека. Он был невероятно толст и обладал примечательными огненно-рыжими волосами, которые упрямыми красными завитками стремились наружу из-под серебристой форменной кепки с длинным козырьком.

– Ну, пойдем в операторскую, что ли? – буркнул незнакомец. – Там будет удобней разговаривать.

Неуклюже переваливая свое тучное, втиснутое в узкий комбинезон тело, с одной ноги на другую, он побрел впереди меня, а я, так и не проронив ни слова, поплелся следом за ним.

Войдя в просторное, наполненное солнечным светом помещение, незнакомец сразу же плюхнулся в странное, желеобразное кресло. Он молча смотрел на меня несколько секунд. Добродушная глуповатая улыбка застыла на его полных красных губах.

– Ты, вообще-то, откуда? – спросил у меня он.

Сказано это было на странном диалекте из смеси английского и русского языков. Однако не это вызвало у меня затруднение. Я не понимал, что же ответить ему на этот вопрос, ведь наше определение: «откуда я», во многом базируется на понимании: «где я». У меня полностью отсутствовало представление о последнем и я ответил:

– Не знаю!

– Но куда тебе?

– Я не знаю!

– А как тебя зовут?

– Локи.

– Как-как?

– Ло-ки, – по слогам повторил я свое прозвище.

– Какое красивое и необычное имя! – восхитился незнакомец. – А меня – Гомер...

Видимо, себя он связывал с животом, поскольку, представляясь, похлопал по своей огромной брюшной жировой складке.

– Я вижу кровь на твоей голове, – сказал он. – На, возьми...

И протянул мне белую плоскую коробочку с узнаваемым красным крестом на ней. Но, как я ни пытался, у меня никак не получалось открыть ее.

– Просто поднеси ее к ране, – затрясся от смеха он. – Ты что, не знаешь, как пользоваться аптечкой первой помощи?

Я поступил, как он сказал, из коробочки выдвинулись похожие на лапки насекомого щупальца-манипуляторы, они за считанные мгновения исследовали, обкололи анестезией и запаляли лазером мою рану. После чего она приятным женским голосом, на том же англо-русском диалекте, на котором говорил Гомер, отчиталась в успешном завершении операции.

Боль исчезла, словно ее никогда не существовало! Я растерянно поднес руку к правому виску, где несколькими секундами ранее была рана, но на ее месте мне не удалось обнаружить ничего, кроме гладкой кожи.

Видя мое изумление, Гомер вновь затрясся от смеха.

– Ты похож на героя шоу «Скрытая камера»! – хохотал он, тряся щеками с крупными, словно блюдца, веснушками. – Любишь это шоу?!

– Нет.

– Напрасно! – продолжал смеяться толстяк. – Мы с Моной, Мона – это моя жена, не пропускаем ни одного его выпуска. Бывает очень и очень смешно!

Участливо улыбаясь, я молчал и переминался с ноги на ногу.

– Что же ты стоишь, Локи? – спохватился Гомер.

– Куда же мне сесть? – я посмотрел по сторонам, но не обнаружил ничего, даже отдаленно похожего на стул.

– Ты как с Луны свалился! – взорвался новым приступом смеха Гомер. Продолжая хихикать, он громко произнес куда-то в пространство:

– Вывести кресло номер два!

В эту же секунду в полу развернулась диафрагма, и передо мной выскочило что-то, отдаленно напоминающее закрытый бутон тюльпана на серебристой ножке. Когда же бутон раскрылся, я обнаружил, что внутри него находится такое же, как у Гомера, желеобразное кресло. Я с недоверием посмотрел на полупрозрачную субстанцию.

– Ну, садись же! – подбодрил меня он.

Я осторожно опустил свое тело в теплую мякоть. Кресло еле слышно зачавкало и став там, где необходимо, тверже, а где-то оставаясь по-прежнему мягким, подстроилось под особенности моего тела, и оказалось в высшей степени удобным.

– Итак, – с добродушной улыбкой наблюдая за мной, спросил Гомер, – как ты здесь оказался?

– Я бы рад объяснить тебе, – это было первым, что пришло мне в голову. – Но, видишь ли, я ничего не помню...

– Понятно, – улыбка мгновенно исчезла с его лица. – Не хочешь говорить – не надо. В моей семье не принято задавать лишних вопросов. Все мои предки, как и я, были операторами контейнеровозов. И у нас никогда не было проблем потому, что мы никогда не лезли не в свое дело. Скажу тебе лишь одно, парень, сегодня ты остался жив, и тебе очень сильно повезло...

Разве это для меня было новостью?

– ... Если бы я не решил срезать дорогу, чтобы уложиться в лимит выделенного мне топлива, ты бы умер в этом пекле без воды. Запекся, как яблоко в духовке, задолго до того, как солнце зашло бы за горизонт. Тебя спасло мое желание сэкономить! Я всегда говорил: жизнь похожа на розыгрыш из шоу «Скрытая камера»!

И Гомер вновь зашелся в смехе.

Я не нашел в словах этого весельчака ничего смешного и молча наблюдал за колыханиями складки на его животе. Вообще-то он производил впечатление славного, хоть и глуповатого малого.

Тем временем Гомер вставил себе в правый висок маленький предмет, похожий на спичечный коробок.

– Ну что, поехали? – вдруг воскликнул он.

Я удивленно смотрел на него. Оказалось, что под кожей, в его правой височной области, вживлен вход для этого странного предмета.

– Этот модуль ментального управления контейнеровозом, – лоя мой недоуменный взгляд, объяснил мне он. – Можно, конечно, перевести бортовой компьютер и на ручное управление, но делать это при помощи головы... – он постучал пухлым указательным пальцем себе по лбу, – ...гораздо удобнее. Просто представляешь нужный маневр, модуль предает его на компьютер со специальным интерфейсом, тот конвертирует сигнал моего мозга и отдает приказ контейнеровозу. Все очень просто! А еще, при помощи этого модуля можно заниматься киберсексом, но для него нужна дополнительная насадка...

– Киберсексом?

– Да-да – киберсексом. Переводишь компьютер в специальный режим, вставляешь модуль в висок, надеваешь насадку себе...

Соображая как назвать ему место, для которого она предназначена, Гомер застенчиво замялся.

– ...сюда, – он указал пухлым пальцем в область паха. – И можешь через Глобал заниматься киберсексом с любой женщиной, в каком бы гиперполисе она бы не находилась. Причем, ты сможешь ощутить все ее особенности, как физические, типа сокращений ее влагалища при оргазме, так и психологические, ведь каждая женщина переживает его по-своему. У меня около пяти киберлюбовниц в западном и восточном гиперполисах. И они не требуют, чтобы я женился на них, а моя жена не обвиняет меня в измене!

Гомер вновь зашелся в смехе, а мое воображение нарисовало передо мной довольно омерзительную картинку.

– Включить экран наблюдения! – крикнул он в пространство, и перед нами вспыхнул большой полукруглый экран, похожий на лобовое стекло самолета, и в операторской стало гораздо светлее.

– Что-то слишком много света, – недовольно щурясь, произнес Гомер и, повысив голос, вновь отдал команду: – Затемнение на десять процентов!

Экран стал заметно темнее.

– Это совсем другое дело, – удовлетворенно буркнул он. – Ну что, поехали?!

Откуда-то снизу послышалось равномерное гудение. По корпусу пробежали еле ощутимые вибрации, и вскоре «сигара», подобно ракете понеслась над бескрайним морем искривленных деревьев.

Меня везли неизвестно куда, но и увозили меня неизвестно откуда. Из осторожности я решил не выказывать, что абсолютно не понимаю, где нахожусь. Я посмотрел на моего спасителя. Несомненно, этот человек как нельзя лучше подходит для выведывания у него всего, что мне необходимо, не вызвав при этом ненужных подозрений. И мое заявление о том, что я якобы ничего не помню, должно мне помочь. Впрочем, было не похоже, что этот толстяк безоговорочно поверил в мою потерю памяти. И мне ничего не оставалось, как начать издалека:

– А что ты везешь, Гомер?

– Самое важное, то есть – энергию, – закинув ногу на ногу и, положив на колено руку, он принял горделивую позу. – Точнее, портативные термоядерные реакторы из западного гиперполиса. Ими наша компания «Транс корпорейтед» вот уже двести лет снабжает весь восточный гиперполис...

Видимо, чтобы я мог лучше прочувствовать всю важность его миссии, Гомер выдержал многозначительную паузу.

– Вот уже двести лет вся моя семья, – продолжил он, – предки, я и, наверное, потомки: работали, работают и будут работать на «Транс корпорейтед». Людям, которые трудятся в этой компании династиями, предоставляются различные льготы и прибавка к жалованию. И я этим

очень доволен. Дай Бог здоровья ее основателю – бессмертному Юлиану, ведь все, что у меня есть – сытую жизнь, семью, дом и неограниченный выход в Глобал я имею благодаря ему!

Бессмертный Юлиан?! Основатель компании, которая существует двести лет, до сих пор ею руководит?! Что здесь происходит?

– Ты, наверное, хотел сказать что-то другое, а не бессмертный Юлиан? – поправил я его.

Я понимал, что мой вопрос получился довольно нелепым, но в тот момент у меня не получилось сформулировать его лучшего.

– Я хотел сказать, как уже сказал – бессмертный Юлиан! – ответил Гомер. – А почему это тебя так удивляет?

– Мне не понятно, что ты подразумевал под словом – «бессмертный», – сказал я, – поскольку не верю, что какой-то человек может руководить компанией двести лет...

Гомер внимательно посмотрел на меня. Веснушки замерли на его щеках, и я понял, что он находится в крайнем затруднении.

– Ты-ы стра-ан-ный, – растягивая каждое слово, наконец, выговорил Гомер, – нет, – ты очень и очень странный человек, Локи! Ты неизвестно то, что известно каждому младенцу! Двести лет назад ученые изобрели вакцину бессмертия, и на земле появились бессмертные...

– Ты тоже – бессмертный?

– Нет, – веснушки вновь запрыгали на его толстых щеках. – Бессмертными стали лишь те, кому это оказалось по карману. Надо быть очень богатым и влиятельным человеком, чтобы обрести бессмертие. Бессмертные не стареют, бессмертные не болеют, бессмертные не умирают, бессмертные это представители всемилостивого Бога на земле. Но почему ты ничего не знаешь об этом?

– Кроме своего имени, я не помню ничего, – говоря это, я смотрел на Гомера в упор, и на моем лице не дернулся ни один мускул. Ложь вышла очень правдоподобной. Мой огромный опыт вновь не подвел меня. – Я же тебе об этом говорил вначале. Помнишь?

– Видимо, та рана у тебя на голове была от удара, и из-за этого у тебя амнезия, – его лицо накрыла тень вины. – Прости, что сразу тебе не поверил...

Я мысленно похвалил себя за сообразительность. Теперь мне можно спокойно, не вызывая лишних вопросов, выяснить у него самое главное – где я оказался, и тогда, возможно, смогу понять, что мне делать дальше.

На горизонте появились множество каких-то строений. Когда мы пролетали над ними, я понял, что ими были развалены брошенного города. Нет ничего более печального, чем его мертвый вид. Здания с разбитыми окнами и провалившимися крышами давно стали прибежищем крыс и змей, а улицы, загроможденные всяким хламом, были пустынные. Чахлые растения уже отвоевали то, что когда-то принадлежало их предкам всецело.

– Что это был за город? – спросил я у Гомера.

– Бог его знает, – ответил тот. – Названий этих городов никто уже не помнит. Все давно переселились в гиперполисы.

Город-призрак темным пятном скользнул под контейнеровоз и исчез в одно мгновение, оставив после себя тягостное чувство. Его мрачный вид молчаливо свидетельствовал о какой-то катастрофе произошедшей здесь когда-то. Здесь. Но где и когда?

– Ну, вот, – Гомер указал пухлым пальцем на радар. – Мы достигли трассы, ведущей в восточный гиперполис. Теперь можно включить автопилот, и наш контейнеровоз самостоятельно принесет нас туда, куда надо.

Уловив боковым зрением какое-то движение на экране, я повернулся к нему, и увидел то, от чего между моих лопаток затеяли хоровод арктический холод и жар пустыни: рассекая дрожащий от зноя воздух, образуя несколько рядов, (как по плоскости, так и по вертикали), параллельно с нами и навстречу нам мчались множество летательных аппаратов различных форм и размеров. Они были: крохотными, средними, огромными, сферическими, треугольными, многоугольными, а иные же обладали формой, трудно поддающейся описанию, отдаленно похожей на насекомых, но внеземного происхождения.

Даже в самом фантастическом сне вряд ли возможно увидеть такое, однако все происходило со мной наяву. Преодолевая частую смену испарины и озноба, сквозь разноцветные круги парящие перед глазами, я не отрываясь смотрел на развернувшееся передо мной ужасающее и, в то же время, захватывающее зрелище.

Итак, я в будущем! Там, в тоннеле, время передо мной расступилось. И насколько далеко меня занесло от начала двадцать первого века, мне еще предстоит выяснить. Но, судя по тому, что мне уже удалось узнать, я оказался в далеком будущем, где мир изменился до неузнаваемости. В нем появились вечно живущие люди, машины из наземных тихоходов превратились в подобие НЛО, и он стал очень и очень жарим.

Получалось, что чудесным образом мне окончательно удалось уйти от Триады. Здесь больше ничто не сможет угрожать моей жизни, и все прежние проблемы остались буквально – в прошлом. У меня не было семьи, единственный друг погиб, а значит, тот мир стал чужим мне, ведь в нем я мало преуспел, а здесь я смогу наладить спокойную, безмятежную, а главное – обеспеченную жизнь.

– О-о! – воскликнул Гомер, кивая на экран. – У кого-то авария!

Там я увидел, как чуть в стороне от общего движения в воздухе завис похожий на синего кита гигантский транспорт. Вокруг него, словно мухи у темного бока коровы, деловито сновали крошечные одноместные модули.

– Накинулись стервятники, – погрозил им Гомер кулаком. – Теперь драйверу этого грузового бота придется расстаться с целой ставкой юнитов. Ремонтники никогда не отпускают жертву, пока не выудят у нее все до последней крохи. Не повезло бедолаге!

Он сокрушенно покачал головой.

Юниты?! Похоже, он имел в виду деньги. Надо обязательно выяснить у него, что это такое!

Гомер вынул из виска блок ментального управления.

– Что же я сию? – он хлопнул себя ладонью по лбу. – Ты, наверное, хочешь есть.

Как только он это сказал, я почувствовал голодное ворчание в желудке, поскольку не ел целую вечность, – так я мог говорить, не боясь преувеличения. Просто до этого у меня не было времени, чтоб вспомнить о еде.

Гомер отклеил тело от своего места и, словно пингвин, переваливаясь с ноги на ногу, прошел ко мне за спину. Я развернулся с креслом вокруг себя и увидел, что мой спаситель замер у сферического прозрачного предмета с печатью затруднения на лице.

– Что же тебе предложить? – он наморщил лоб. – Здесь полторы тысячи наименований блюд...

– Я полностью доверяю твоему вкусу..

– Отлично! Тогда я инсталлирую тебе и себе по сэндвичу и картошку.

Очевидно, народные вкусы даже за сотни лет не претерпели изменений. Он нажал пухлым пальцем на голограммный экран сферы, после чего она заполнилась туманом изнутри, и вскоре, запустив руки непосредственно сквозь ее прозрачные стенки, достал оттуда два сэндвича, а так же стаканчики с поджаренным картофелем. Я наблюдал за его действиями, будто за представлением циркового иллюзиониста.

– Обед готов! – Гомер выставил еду на поднос и протянул один из них мне.

– Как же в эту штуку влезает полторы тысячи блюд? – я кивнул в стороны сферы.

– Никакая это не штука, а инсталлятор, – ответил он мне.

– Инсталлятор?

– Да-да – инсталлятор. Он инсталлирует образцы синтезированного ДНК в еду...

Он был очень недоволен. Ему приходилось отрывать от дразнящей его ноздри пищи и объяснять мне то, что, по его мнению, должен знать каждый. Но чувство гостеприимства заставляло Гомера терпеливо нести свой крест.

– И как же этот инсталлятор работает? Ты засунул в него руки сквозь его стенки?

– Ты знаешь, что ты – чужак? – пробубнил в ответ он. – У него нет стенок потому, что инсталлятор – это голограмма. И я толком не в курсе, как он устроен, ведь я не какой-то там ученый, а оператор контейнеровоза. И мне не нужно этого знать. Я знаю главное – как нажать на нужную кнопку, чтобы получить бутерброд и картошку.

– Но получается, – не унимался я, – что мы сейчас едим искусственную пищу! Но она выглядит очень натурально...

– Ты чужак, Локи! Натуральную еду могут позволить себе лишь бессмертные. К ним я не отношусь. Я драйвер контейнеровоза и ем синтезированную пищу...

Его лицо выражало что-то вроде:

«Ну, как можно быть настолько тупым, чтобы задавать такие тупые вопросы?»

Я позволил ему закончить обед, прежде чем снова спросил:

– А что такое юниты? В моей голове откуда-то возникло это слово!

– Видно ты начинаешь кое-что вспоминать! – попался на мою уловку Гомер. – Юниты – это объединенная мировая валюта. Деньги, одним словом!

Я поднялся и, подойдя к сумке, сдернул накрывавшую ее куртку.

– Тогда что это такое?

– Откуда это у тебя?! – подскочил в кресле Гомер.

– Не помню...

– Столько старинных бумажных денег разом я никогда не видел! – воскликнул он. – Я как-то читал о них в Глобале. Это старинные деньги – довары... или как там их. Уже давно, лет триста нет бумажных денег. Все расплачиваются вот этим...

Он продемонстрировал мне небольшой бугорок на внешней стороне правого запястья.

– Что это? – удивился я.

– Кэш-чип! Платежный чип, вживленный мне под кожу в первую мою зарплату. Кстати! У тебя должен быть такой же. Как я мог забыть? Сейчас мы быстро выясним: кто ты и откуда...

Мне пришлось показать ему запястье правой руки.

– У тебя нет его?! – воскликнул Гомер, сосредоточенно изучая мою правую руку. – Но это невозможно! – он пристально осматрел другую. – Это значит, что либо ты никогда в жизни не работал, либо ты – апокалиптик. Эти придурки вырезают кэш-чипы в знак протеста, мол, они не такие, как мы. Пропагандируют всякое дерьмо собачье... гадят, одним словом...

– Но что же мне теперь с этим делать? – перебил я его, указав пальцем на сумку.

– Не знаю! – покачал головой он. – Такие деньги давно не используют. Электронные юниты заменили все бумажные деньги. Ты опоздал лет, эдак, на триста!

Это прозвучало для меня приговором. В памяти короткими вспышками промелькнули: сиротливо стоящие на дороге Гарри и Пак, бегство от китайцев, стрельба, взрыв в тоннеле, сияющая в лучах солнца серебристая «сигара». Пережить столько опасностей, чтобы, в конце концов, испытать такое разочарование?! Я почувствовал во рту сладковатый привкус крови, сочившейся из прокушенной губы. Горький комок подкатил к горлу, здесь было от чего разрыдаться, но я был не один, и усилием воли мне удалось сдержать слезы.

– А это кто? – Гомер указал пальцем на портрет президента Франклина. – Бессмертный?

– Когда-то им был, – ответил я.

Солнце уже клонилось к западу, когда на приборной панели зажегся красный индикатор.

– Мы приближаемся к восточному гиперполису! – вглядываясь в экран, торжественно объявил Гомер.

И я увидел, как на нас надвигается темная масса гигантских строений. Гиперполис не приближался, а будто стремительно вырастал из какой-то темной, дышащей густыми испарениями холмистой субстанции.

Минуту назад ничто не предвещало его появления. Не было и намека на переход от малоэтажных пригородных построек к городу. Огромные здания, похожие на скалы горного хребта, загромоздили горизонт в одно мгновение. Они так же напоминали зубы, торчащие из нижней челюсти дракона. И словно это было его зловонное дыхание, тучи свинцового смога зависли в неподвижном воздухе, цепляясь за их вершины.

– Что это такое? – я указал на ту странную холмистую субстанцию.

– Это, как говорят ученые, – отходы человеческой жизнедеятельности, – поморщился Гомер. – А я называю это человеческим дерьмом. Людей становится все больше и больше, перерабатывающие комбинаты не справляются с потоками отходов. Ничего не остается, как вывозить его за пределы гиперполиса и сваливать там...

Вскоре мы летели над огромными крышами небоскребов. Они были похожи на острова правильных геометрических форм, покрывающие унылое, негостеприимное море.

– Скоро моя транспортная база, – Гомер виновато посмотрел на меня. – Мне запрещено брать на борт пассажиров. Поэтому нам надо расставаться. Где бы ты хотел сойти?

Я пожал плечами.

– Мне все равно.

– Скоро будет удобная вершина одного мегаскреба. Ты мог бы сойти там.

Глава 4

Стоя на крыше (как его определил Гомер – «мегаскреба»), я смотрел вслед удаляющемуся контейнеровозу. Через несколько секунд огромное сигарообразное тело превратилось в маленькую точку, а в следующее мгновение растворилось в гуще смога.

Прежде чем высадить меня, новый друг вручил мне странный предмет, по своей форме напоминающий большую плоскую таблетку.

– Если тебе понадобится моя помощь, конектись с моим кибертоном по этому адресу, – сказал он мне на прощание. – Я бы мог скинуть это тебе на кэш-чип, но его у тебя нет, поэтому держи мою визитку.

Я перевел недоуменный взгляд с «таблетки» на него. Эта визитка выглядела очень странно. Видя мое затруднение, он забрал ее у меня и несильно сдавил между указательным и большим пальцем. К моему удивлению, под аккомпанемент «Оды к радости» Моцарта, из таблетки возник объемный голографический образ Гомера, который членораздельно, чередуя их с латинскими буквами, продиктовал полтора десятка цифр.

– Вот как это работает! – подмигнул мне он.

Желая хоть как-то отплатить за его доброту, я подарил ему на память стодолларовую купюру. Гомер растрогался, словно моя мама.

– Ты мне кажешься каким-то особенным, – он вытер тыльной стороной ладони с толстых, дрожащих щек крупные слезы. – Как будто ты откуда-то с другой планеты. Надеюсь, память вернется к тебе, и мы еще встретимся.

– Я действительно с другой планеты, – мрачно буркнул я ему в ответ так, чтобы он не мог меня расслышать, и, встав на площадку, сказал громче: – Прощай, Гомер!

Вскоре я стоял на крыше мегаскреба и, когда контейнеровоз растворился в свинцовой дымке, огляделся вокруг. Для меня, человека еще несколько часов назад находившегося в другой эпохе, открывшийся вид показался чем-то невыразимым. Приблизительно, это возможно описать, как невыразимую смесь ада, описанного в Божественной комедии Данте, с добавлением Мордора из Властелина колец Толкиена.

Вокруг, насколько хватало взгляда, громоздились мегаскребы неопишуемых зигзагообразных форм, со стенами, служащими огромными экранами, где, в режиме нон-стоп, яркими непродолжительными вспышками оживала всевозможная реклама. В ней не было ничего удивительного, но ее было так много, и она казалась настолько яркой, что ее свет, отражаясь в свинцовых небесах, походил на всполохи расплавленной магмы, текущей в тоскливых ущельях Мордора. На фоне этих вспышек, я различил черные нити монорельса, спиральями опоясавшие тела этих строений, где стремительно и почти беззвучно проносились небольшие приплюснутые вагончики.

Но пространство между ними захватили боты, которые образовывали потоки живой, поступательно и волнообразно движущейся субстанции, похожей на змею. Однако в этом дви-

жении улавливался строгий и хорошо отрегулированный порядок. Верхний пласт стремился в одном направлении, а нижний ему навстречу. Перекрестки управлялись патрульными ботами с узнаваемой сине-белой расцветкой, на них сияли экраны со знакомой, не претерпевшей изменений красно-желто-зеленой сигнализацией.

С неба сорвались первые капли дождя. Влажный ветерок лизнул меня зябким холодком, а моя куртка все еще прикрывала дыру в сумке. Пробежав руки в ее рукава, я встретился взглядом с насмешливыми глазами президента Франклина. Что оставалось со всем этим делать? Теперь это – хлам, бесполезная ноша.

Наблюдая, как кружась, словно опадающая с деревьев листва, стремятся к земле зеленые прямоугольники сто долларовых купюр, я подумал, что видел нечто похожее в каком-то давно забытом фильме. Помню только, что всегда такие сцены вызывали у меня скуку. Я не верил, что кто-то способен добровольно расстаться с таким количеством денег. Но со мной было все по-другому. Не безбедная жизнь, рассыпавшись на бумажные осколки, растворялась в мокром воздухе несколькими метрами ниже меня, а ее мираж, и с сожалением, которое вот-вот могло обернуться отчаянием, я мысленно прощался с тем, что невидимой нитью все еще связывало меня с прошлым.

Похожее на вспышку рекламы, в памяти неожиданно возникло окровавленное лицо Гарри. Он смотрел на меня темными от боли зрачками через распухшие веки, похожие на разломленные сливы, а затем преобразовался в одинокую фигуру стоящего на дороге Пака. Что же это со мной? Похоже на укоры совести. Любопытно: испытывал бы я ее угрызения, сидя в шезлонге, потягивая прохладный пиноколодо, и созерцая рябь на поверхности теплого океана? Уверен, ей, для дальнейшей летаргии хватило бы отговорки, что их смерть хотя бы в этом оказалась не напрасной.

Дождь усилился и грозил перерасти в ливень. У меня не оставалось времени, чтобы все так же не спеша, вскрывать каждую пачку и веером кидать купюры в лицо насупленного неба. Я взялся за дно сумки и перевернул ее открытым верхом вниз. Мгновение, и она стала почти невесомой.

– Эй, приятель! – я услышал за спиной чей-то резкий окрик. – Какого хрена ты здесь делаешь?!

Ко мне быстрым шагом направляется странная парочка в одинаковой, черной униформе. Один из них был тощ и высок, его непропорционально длинную, словно у гуся шею, венчала маленькая голова в многоугольной фуражке. И он забавно подпрыгивал при каждом шаге.

Второй сильно отличался от него, поскольку был приземист и толст, а также обладал большой, словно кочан капусты, головой, у которой шея отсутствовала вовсе. Они были похожи на сюрреалистический натюрморт из арбуза и банана. И, возможно, при других обстоятельствах я рассмеялся бы над их нелепым видом, но лица этой странной парочки были искажены злобой, и ничего хорошего это мне не сулило.

– Так, какого хрена ты здесь делаешь? – хватая за руку и сквозь сиплый свист учащенного дыхания, с трудом выговаривая каждое слово, спросил у меня толстый.

– Дышу свежим воздухом, – усмехнулся я.

– Сутить исволите? – прошепелявил долговязый и впился своими длинными и узловатыми пальцами в мое плечо.

– Система сообщила нам, – брызгая слюной, вторил ему толстый, – что ты кидаешь листовки с крыши охраняемого нами офисного центра. Ты, видимо, один из тех апокалиптиков, мечтающих ввергнуть нас в новый хаос? Отвечай, дерьмо собачье!!!

Меня передернуло от оскорбления, но я находился не в том положении, чтобы бросаться в драку, иногда подобные вещи приходится терпеть.

– Никакой я не акапалиптик, – Сглатывая слюну, ответил я. – Я кидал не листовки, а...

И осекся. Как же мне объяснить этим болванам, что именно я кидал с крыши?

– Сто ты разговаривае с ним? – погружая длинные пальцы в мое плечо, возмутился долговязый. – Давай просто выкинем его на улицу, как всегда поступаем с подобными подозрительными типами!

– Именно так мы с ним и поступим! – откликнулся толстяк. – Выкинем его отсюда ко всем чертям собачьим! Мы всегда хорошо выполняем свою работу! За что нас и ценят!

Они схватили меня под руки и стали куда-то тащить, но это было слишком грубо, и я попытался вырваться.

– Не дури, парень! – зашипел на меня толстый.

Он залез свободной рукой себе за пояс и достал оттуда какой-то черный предмет, похожий на ручку от теннисной ракетки. С едва слышным щелчком из ручки выдвинулась прозрачная трубка.

– Если я ударю тебя этим по голове, – сквозь редкие коричневые зубы прошипел он, – то мы все равно выкинем тебя отсюда, но только при этом ты будешь без сознания, зато со штанами полными дерьма!

– Именно так! – поддакнул ему долговязый. – Со штанами, полными дерьма!

В подтверждение их слов, трубка полыхнула синеватым отсветом и зажужжала от переполнявшей ее энергии. Достаточно было взглянуть на их перекошенные злобой карикатурные лица, чтобы понять: они только и ждут малейшей моей попытки к сопротивлению, и, не задумываясь, а, наверное, даже с удовольствием исполняют свои угрозы. Я смирился и позволил этим двум стражникам преисподней вести меня туда, куда им заблагорассудится.

Они подтащили меня к центру крыши, и из расступившейся диафрагмы перед нами выскочила цилиндрическая кабина лифта. Как только двери его отворились, охранники грубо втокнули меня внутрь и зашли следом.

– Нулевой этаж! – отдал команду толстяк, и лифт беззвучно помчал нас вниз.

Я чувствовал себя очень неуютно в компании этой парочки, но больше всего мне досаждали их упертые взгляды. Они плотоядно пялились на меня в полной тишине, не отводя в сторону глаз, все время до тех пор, пока не раздался звон колокольчика, и двери лифта не открылись вновь.

На площадке, перед входом в лифт, в ярком белом сиянии, похожем на свет театральных рампы, стояла прекрасная голубоглазая женщина в лазурном облегающем платье. Низкое, до темной ямочки пупка декольте едва прикрывало, а скорее наоборот – подчеркивало идеальную форму ее бюста. Волосы женщины, выкрашенные в тот же цвет, что и платье, нарушая закон гравитации, были подняты в высокую, похожую на фонтан, футуристическую прическу. Поверх ресниц ее большие миндалевидные глаза украшали маленькие лепестки белого лотоса. Она походила на существо небесного происхождения. Время замерло, и на секунду я забыл все то, что случилось со мной до этого.

– Не возражаете, джентльмены, – грудным бархатным голосом спросила женщина, – если я опущусь в вашей компании на пару этажей ниже?

Охранники, ослепленные ее сиянием, потеряли дар речи. Моего ответа никто и не ожидал, но, наверное, даже под страхом смерти я не смог бы произнести ни слова.

Расценив наше молчание, как знак безусловного согласия, мерно покачивая бедрами, женщина вплыла в тесное пространство лифта. До меня донесся пьянящий аромат ее духов, и воздух наполнился энергетикой тропических джунглей.

В моей памяти не сохранилось на каком этаже вновь проголосил колокольчик, но, когда она вышла, я ощутил нечто странное, словно эта женщина символизировала для меня ту жизнь, которую я так страстно добивался, и которая, увы, но все же прошла мимо.

Из невеселых размышлений меня вытолкнул очередной звон колокольчика. Это могло значить лишь одно – лифт наконец достиг нулевого этажа. Синхронно схватив под руки, охранники воодушевленно потащили меня к выходу из здания.

Большие, похожие на ворота двери бесшумно расступились перед нами, и я оказался на площадке со ступеньками, ведущими на улицу, где бушевал тропический ливень.

– Проваливай! – сказал толстяк. – И не смей больше попадаться нам на глаза!

Они отпустили меня и одновременно, словно по команде, повернулись ко мне спиной.

– Вам никогда не говорили, – крикнул я им в след, – что вы похожи на парочку уродливых клоунов?

Они резко повернулись и, к своему удивлению, я увидел, что их лица не выражали злобы. Кривая, ядовитая усмешка застыла на губах обоих охранников.

– Каждый раз говорят! – воскликнул толстяк. – И каждый раз мы поступаем вот так!

Не успел он договорить последнее слово, как долговзый согнул свою длиннющую, худую ногу в колене и пихнул меня ею в живот. Потеряв равновесие, я попытался восстановить его,

отступив назад, но за моей спиной находились только воздух да крутые ступеньки. И я скатился по ним на улицу и не переломал себе костей, благодаря лишь глубокой луже, смягчившей мое падение. Рядом со мной, с громким шлепком, упала в грязь пустая сумка.

– Ну, кто теперь уродливый клоун?! – донесся до меня торжествующий крик толстяка.

Небо рассмеялось надо мной гулкими раскатами грома.

Я лежал в луже, и одновременно – в центре незнакомого мира, и не мог придумать ни одной причины для того, чтобы подняться на ноги. У меня не было ни денег, ни иных средств к существованию, но самое главное – у меня не было ни малейшего представления о том, что мне делать дальше. Возможно, я лежал так пять секунд, быть может, несколько минут, или, несколько часов. И тут...

– Вставай, Локи, – услышал я чей-то тихий голос идущий сверху. – Тебе надо идти дальше.

Сквозь залепившую веки грязь я увидел склонившегося надо мной дряхлого старика в очках с толстыми стеклами. Ручейки воды рисовали на них узоры, но я все же смог разглядеть его глаза, смотревшие на меня с неведомым доселе покоем. В них была сама жизнь, но не жадная и бьющая через край, а потаенная и бесконечная, как будто пришедшая из глубин космоса.

– Откуда ты знаешь, как меня зовут, старик? – поднимаясь, спросил я у него.

– В том-то все и дело, – ответил он, – что знаю я многое, но не знаю – откуда...

Сказав это, он развернулся и стал медленно удаляться. Я стоял неподвижно и смотрел ему вслед, не зная, что мне делать дальше. Небо неожиданно сжалилось, и ливень вдруг прекратился. В небесную промоину хлынуло жаркое солнце, и воздух наполнился густыми испарениями.

– Что же ты стоишь? – сказал старик, обернувшись. – Пойдем...

– Но куда?

– Туда, где ты сможешь обсохнуть, и где тебе найдется место.

Я хотел спросить у него о чем-то, но передумал и покорно побрел следом.

Мой странный проводник часто сворачивал из одного переулка в другой, и чем дальше мы уходили от места, где он нашел меня, тем становилось грязнее, и вскоре я понял, что нахожусь на территории мусороперерабатывающего комбината:

Горы из отходов, облюбованные пребывавшими на вершине блаженства упитанными крысами, громоздились даже у ближайших мегаскребов. Совершенно нас не боясь, юркие грызуны продолжали копошиться в мусоре даже в тот момент, когда мы проходили рядом, и лишь самые любопытные поднимали к нам свои заостренные грязные мордочки.

Механические уборщики, поскрипывая железными узлами-суставами, сновали тут и там, но мусора накопилось столько, что их труд казался незаметным. Он был подобен капле в этом море зловония. Время от времени нам навстречу попадались управляющие роботами техники в шипастых респираторах на лицах, и их пустые взгляды не выражали ничего, кроме безразличия.

Из-за переизбытка углекислоты смрадный воздух проникал в мои легкие опасно, словно вор в чужое жилище, и вскоре я почувствовал усталость.

«Куда ведет меня этот старик? – подумал я, переставляя ноги. – Если все будет продолжаться в том же духе, я вскоре увижу врата ада».

– Уже скоро, – не оборачиваясь, сказал мне он. – Потерпи еще немного.

Удивившись его проникательности, я нашел в себе силы на несколько шагов, и вот мы остановились у небольшой двери, прикрывавшей вход в подвал какого-то мегаскреба. Старик толкнул ее костлявой рукой, и перед нами открылся темный, низкий и узкий проход, ведущий куда-то вниз. Согнувшись вдвое, он протиснулся в него первым и растворился во мраке. Мне ничего не оставалось, кроме как последовать за ним.

Рискуя разбить себе голову о какой-нибудь выступ, я брел во тьме, выставив перед собою руки, и ориентируясь лишь на его шумное дыхание. Вскоре непроницаемая темнота сменилась полутьмой, и мы оказались в комнате, где единственным источником света служило небольшое сквозное оконце под потолком. Следы копоты вокруг него говорили о том, что оно использовалось еще и в качестве дымохода. Словно в подтверждение моей догадки, под ним стояла мятая ржавая бочка, накрытая прогоревшей решеткой, видимо, служащая здесь чем-то вроде печи, при помощи которой старик обогревал каморку и готовил себе нехитрую еду. Из нее, едва уловимой струйкой, сочился сизый дымок.

Он кинул в бочку несколько пригоршней какого-то мусора, затем встав на колени, раздул тлеющую золу и закашлялся. Пока огонь неспешно разгорался, не было произнесено ни слова. Но, как только пламя набралось сил, и в каморке стало светлее, я решил начать разговор первым:

– Как звать тебя, отец?

– Кто знает меня, зовет – Простак, – он встал и приложил ладони к теплому боку бочки. – Хотя, по правде говоря, меня почти никто не знает...

В свете огненных всполохов я разглядел неподалеку от нее толстый, накрытый большим одеялом с пестрыми заплатами прямоугольный лист пластика, видимо, служащий ему постелью.

– На что же ты живешь, Простак? – я обвел взглядом его жилище. – Судя по этой комнате, ты должен голодать...

– Отец небесный питает, – после минутного раздумья откликнулся тот, – с тех пор, как меня перестали пускать в Реформистскую церковь на шестой улице, где раньше я мог пообедать.

– Отчего же тебя больше не пускают туда?

– Да лезет в башку ерунда всякая. Видения...

– Видения?

– Да-да, видения, – улыбнулся он, и в его очках блеснули красно-желтые языки пламени.

Только сейчас я заметил, что у них не было левой душки, и держались они, на его голове, за счет тонкой засаленной бечевки. Простак показался мне таким знакомым. Обычным использованным жизнью и выброшенным на ее задворки стариком с засаленной бечевкой на очках вместо дужки. Таких и в моем мире было немало.

– Ты слышал о легенде о Прометее? – вдруг спросил он.

– Да, в детстве. В ней говорится о титане, который подарил людям огонь. А что дальше – не помню.

– И за это разгневанный Зевс, – Простак сел на заплатадное одеяло и, жестом предложил мне последовать его примеру, – приказал Гефесту приковать Прометея к скале. Каждый день к титану прилетал орел и выклевывал у него печень, но за ночь печень восстанавливалась, и его мучения повторялись снова и снова, до тех пор, пока не пришел Геракл и не освободил его...

– К чему ты клонишь, старик?

– Мало того, – не ответив на мой вопрос, продолжал он, – что из этой легенды становится ясным: древние греки знали о регенерации клеток печени, хотя у них не было для этого сложных медицинских устройств, но суть не в этом, она в том, что мне открылось в одном из моих видений, – он понизил голос до шепота, сложив руки у сердца в молитвенном жесте. – В нем древние греки предсказывали пришествие Иисуса. И мне стало абсолютно ясно, что это так, словно я всегда знал об этом, а потом забыл. Огонь – божественное сострадание, которое согревает всех, распятый Иисус на Голгофе есть прикованный к скале Прометей, клюющий его печень орел – копьё легионера Леофанта, проткнувшее печень Иисуса!

Чтобы не прерывать этот удивительный рассказ, я молчал, а Простак, захваченный воспоминаниями, продолжал:

– Когда я это понял, перед моими глазами, словно созданные дымом из этой бочки, ожили образы из Евангелия и легенды о Прометее, они переплелись и стали неразличимы. Я видел прикованного к скале Иисуса, и из-под его тернового венца сочилась кровь. Я видел черного орла, сидящего на римском штандарте, вместо когтей у него были острые наконечники копий. Мне показалось, что все длилось лишь мгновение, но, когда я пришел в себя, понял, что нахожусь в незнакомом месте. Сколько прошло времени с начала видения, и что я все это время делал – не знаю. Но я к этому уже привык, со мною частенько такое бывает...

– Простак, тебя из-за этого больше не пускают в церковь?

– Да. Я был настолько глуп, – он вновь пошевелил палкой огонь в очаге, – что все рассказал нашему настоятелю. Откуда мне было знать, что он из-за этого на меня так рассердится? Он назвал меня еретиком, и не велел больше появляться в церкви, дабы я не сбивал его паству с пути истинного...

– А что было потом?

– Потом? Потом я пришел сюда, лег на этот топчан и пролежал так дней пять. За это время в моем желудке побывало лишь несколько глотков дождевой воды, которую я собираю в банку за окном. Я думал, что так и умру от голода, и мой труп не найдут никогда. Но мне не было себя жаль потому, что я давно смирился со смертью, не прошло и дня, чтобы я о ней не думал. Мало ли людей умерло от голода, и чем я лучше их?..

Он пошевелил палкой золу в бочке, и огонь вспыхнул с новой силой.

– Когда я ослаб настолько, что уже не мог встать, чтобы справить малую нужду, меня захватило новое видение, – продолжил он. – Оно было быстрым, похожим на вспышку. И в нем мне открылось, что наша жизнь, со всеми ее трудностями и бедами – шлифовальный круг, а наша душа – алмаз в руках Творящего Начала. И на этом круге оно шлифует наш алмаз, выводя на нем новые грани, совершенствуя его. И я еще подумал тогда: возможно, чтобы мой алмаз стал совершенным, нужна последняя грань, и она выводится прямо сейчас...

Перед моим внутренним взором, из красно-коричневой мглы, возник неясный человеческий образ. Его очертания размыла тень, отчетливо видны были только длинные, как у скрипача, пальцы рук, держащие крупный алмаз и нежно прижимающие его к шлифовальному кругу, из-под которого в темное пространство извергались искры похожие на звезды.

И вдруг меня электрическим током пронзила догадка! А что, если старик, оживив видение в своей памяти, каким-то непостижимым образом сумел спроецировать его в мой разум, ведь этот образ, словно придя откуда-то извне, возник во мне спонтанно и явно не принадлежал моему воображению! Так кто же ты такой, Простак?!

– ...Но умереть мне не дал кот, – словно через пелену, донесся ко мне его голос. – Вначале я подумал, что это предсмертная галлюцинация. Ко мне подошел серый в белую полоску кот и внимательно, как будто оценивая мое состояние, посмотрел на меня. Я лежал на боку, не шевелясь, не отрывая взгляда от него, а он, совершенно меня не боясь, подошел и обнюхал мое лицо, после чего исчез так же неожиданно, как и появился...

Собираясь с мыслями, Простак ненадолго замолчал, я же не стал отвлекать его вопросами, и терпеливо ждал, когда он продолжит.

– Я очнулся от прикосновения чего-то влажного и холодного к моей щеке, – сказал он, – и, открыв глаза, увидел подле себя все того же кота, только в этот раз он принес с собой большуюдохлую крысу, но, видя, что я не проявляю к его дару никакого интереса, вскоре ушел. А я снова впал в забытье.

Простак прервал свой рассказ и кивнул, указывая мне на что-то за моей спиной. Я обернулся, и с удивлением обнаружил большого серого кота, лежащего в нескольких шагах от меня на подогнутых под себя лапках. Кот довольно жмурился на свет от костра.

– Мой новый друг пришел, когда проем окошка еще не потемнел, – Старик поднял кота с земли, поглаживая его по матовой густой шерстке рукой, похожей на сухую ветку, и тот, тут же свернулся клубком у него на коленях.

– И принес мне большую сырную лепешку. Где он ее взял – для меня не имело никакого значения, ведь я умирал от голода. У меня не было сил подняться, и мне пришлось съесть ее лежа, а он отужинал рядом со мной своей крысой. С тех пор не реже, чем раз в день, он приносит мне еду, поддерживая тем самым мое существование.

– И как ты его назвал? – спросил я.

– Кого? – недоуменно переспросил Простак.

– Кота.

– У него уже есть название.

– И какое же?

– Кот.

– Я имел в виду его имя, – засмеялся я

– Люди всегда и всему хотят дать имена, – не понимая, почему я смеюсь, хмуро пробурчал Простак. – Этот кот – мой спаситель. Он не дал мне умереть и по сей день кормит меня. Это настоящее чудо. Не те шоу, которых так ждет молящаяся паства в церквях, а чудо тихое, касающееся только нас с котом, но из-за этого не менее удивительное. Зачем давать ему имя, я и так знаю, кто – он.

– А где твои родные, Простак?

– Сколько себя помню, их у меня никогда не было.

– Ты, как и я – сирота?

– Не знаю. Я помню себя лет с тридцати, – нахмурился он. – В одно мгновение я очнулся на одной из улиц, абсолютно не помня, что было со мной до этого. Думаю, будь я кому-то нужен или кто-то любил меня, то непременно разыскал бы за это время. И знаешь, мне не хочется, чтобы память возвращалась ко мне. Кто его знает, кем или чем я был раньше. Иногда не знать этого – благо.

За оконцем стемнело.

– Пора ложиться спать, – глядя на потемневший проем, сказал старик и, откинув заплатанное одеяло, лег на край топчана.

– Чего же ты ждешь? – подбодрил он меня. – Ложись, под одним одеялом вдвоем нам будет теплее. Ночи здесь довольно холодные.

Сняв обувь и куртку, я устроился с ним рядом, и сквозь ткань своей рубашки спиной ощутил движение острых лопаток старика.

– Расскажи мне о бессмертных, Простак.

– Да не о чем рассказывать-то...

Его ответ очень меня удивил.

– Как это? Один человек мне рассказывал о людях живущих вечно.

– Не знаю, как тебе объяснить, – после долгого молчания отозвался Простак. – Но я уверен, что их – нет.

Не поняв, что он хотел мне этим сказать, я решил больше ни о чем его не спрашивать, и вскоре услышал, как он ровно дышит во сне. Вскоре я ощутил, как надвигающаяся сонливость начала спутывать мои мысли, и прежде, чем провалиться в забытие, мне привиделся шлифовальный круг, исторгающий в темное пространство искры, похожие на звезды.

Глава 5

Мое пробуждение было очень и очень странным. Я не открыл глаза сразу, как проснулся, а какое-то время лежал с опущенными веками, благодаря чему сон не рассеялся в первые же мгновения, и в нем, как в зеркале, отразилось лицо человека. У него разомкнулись губы, и ко мне донесся зов, похожий на шелест ветра:

– Прошедший по лезвию бритвы...

Это слишком походило на реальность, и я резко вскочил на ноги. Таинственное лицо, словно состоявшее из пара, задрожало и растворилось в полутьме. Озираясь по сторонам, я напряженно вслушивался в пространство сквозь дробь сердцебиения, резонирующего в моих барабанных перепонках. Спасаясь от проникающего через закопченное оконце солнечного света, тени прятались по углам каморки, но среди них никого не было. Тишина со звонкими вкраплениями далекой капели была почти неподвижной, и мне пришлось списать это видение на проделки моего воображения.

Простак ушел куда-то, пока я спал. Нигде не было видно и кота. Их также можно было принять за галлюцинацию, но рядом с топчаном, на белоснежном куске материи, лежала круглая сырная лепешка, а неподалеку, на выступе, висела моя, очищенная от грязи, куртка.

И хоть лепешка оказалась румяной, и от нее исходил дразнящий ноздри аромат, а мой желудок уже давно был в разлуке с пищей, я все-таки решил ее не трогать. Забрать последнюю еду у нищего старика, мне представилось чем-то низким. Если я голоден, то мне придется самому о себе позаботиться. С этими мыслями, накинув куртку на плечи и, ощупью пройдя по темному подвалу, я вышел на улицу. Там раскаленное солнце яростно выжигало пространство и через минуту рубашка, пропитавшись потом, прилипла к спине. Я ощутил, как зарождаясь где-то между лопаток, сползают к крестцу ручейки пота.

Простака не оказалось и на улице. Жаль, но, видимо, придется уйти, не прощаясь. А, впрочем, нужны ли ему эти прощания? Блуждая по своим мирам, старик, возможно, уже не помнит обо мне. А я должен идти дальше. Куда? Это уже другой вопрос, но этому человеку и так слишком непросто поддерживать свое существование. Он все еще жив благодаря необычайно умному коту, и я не мог злоупотреблять его гостеприимством.

Определив, с какой стороны, он меня сюда привел, я решил двигаться к офисному центру, откуда вчера был выкинут парочкой звероподобных охранников. Та лужа являлась моей нулевой отметкой, началом отсчета первых шагов в этом мире и то, что он встретил меня настолько негостеприимно, уже не имело значения. В конце концов, куда мне еще следовало идти? В первую очередь, я должен был позаботиться о еде, а для этого необходимо найти какую-нибудь работу. Полагаю, в районе офисных центров решить эту проблему гораздо легче, чем среди мусорных куч.

Стараясь вдыхать смрадный воздух через рот, с трудом преодолев несколько километров, я заметил, что мусорное море пошло на убыль, и вскоре обнаружил, что иду по какой-то гладкой поверхности, которую можно, применив воображение, назвать асфальтированным тротуаром. Покрытие пешеходной дорожки, по своей структуре напоминало укатанную стек-

лянную крошку, но ее давно никто не ремонтировал, и поэтому в паутинообразных трещинах, тут и там, уже торжествовала зеленая травка.

Почувствовав знакомую усталость, я стал подыскивать место для отдыха и, к своему облегчению, нашел его довольно быстро. Мой взгляд различил поблизости удобный выступ у основания какого-то мегаскреба. И вот, обойдя небольшую кучу хлама, я опустился на него с довольным выдохом. Но вдруг мусор подал признаки жизни и зашевелился, откуда-то из его недр ко мне вытянулась бледная с синеватыми пятнами рука и попыталась схватить меня за лодыжку, но, чуть не закричав от ужаса, я успел отскочить в сторону.

– Что ты здесь делаешь? – спросила у меня куча голосом, похожим на шипение змеи.

Не в силах вымолвить ни слова, я следил за рукой, не отрывая глаз, готовый к бегству в любой момент. Мусор вновь пришел в движение, и ко мне высунулась обмотанная каким-то тряпьем голова с бесцветными глазами, черные широкие зрачки которых, похожие на два бесконечных тоннеля, гипнотизирующим взглядом смотрели на меня из бескровных белков.

– Что ты здесь делаешь? – разомкнув тонкие синие губы, спросило у меня существо. – Ведь тебя здесь нет! Нет! Нет!!

Грязная повязка соскользнула с его головы, и я увидел, как, змейкой протянувшись от темени к виску, сквозь бледную, полупрозрачную кожу слабо пульсирует фиолетовая вена. Меня передернуло от отвращения и, сбиваясь с шага на бег, я постарался, насколько возможно дальше уйти от этого места.

– А теперь дай мне пожрать! Пожрааать!!! – раздался за спиной дикий крик существа.

Кто это был? Что мне пыталось сказать это чудовище, в котором с трудом угадывалось человеческое начало? Оно явно что-то знало про меня. Холодные мурашки еще продолжали пробегать между моих лопаток, как вдруг я оказался перед какой-то оживленной, заполненной людьми улицей.

Там было многолюдно и гораздо, гораздо чище. Царство блаженных и монстров, запустения и отходов пряталось всего лишь в нескольких метрах отсюда. Но о нем ничего не было известно для этих людей, одетых в яркие одежды и снующих в узком пространстве, сдавленном между высотными зданиями. Они шли пешком или проезжали мимо меня в электрических модулях, похожих на стеклянные ампулы, а так же скользили по змеевидным эстакадам, опутывающим нижние ярусы мегаскребов, вглядываясь в голограммные витрины магазинов.

Внешнее гендерное различие между этими мужчинами и женщинами не существовало, поскольку они носили абсолютно одинаковую одежду и пользовались одинаково яркой косметикой. Их лица, выбеленные каким-то составом, похожим на известь, служили контрастным фоном для глаз и ртов, на которые косметика наносилась подчеркнуто неровно, и зачастую идущие вдоль глаз жирные черные стрелки заканчивались на висках, а ярко-красная губная помада захватывала щеки и подбородки.

Но, гораздо больше этого, меня удивило: между ними отсутствовал даже намек на общение. Они шли, ехали, скользили в полной тишине и раскрывали рот лишь за тем, чтобы отпра-

вить туда порцию еды. Не было ни разговоров, ни смеха, обычных для такого скопления людей, словно какой-то могущественный чародей наложил на их уста печать молчания. Но, все же, эти люди и чистая улица, лучше гор из отходов и прячущихся в них монстров. Я сделал шаг, и, растворяясь в толпе, ощутил себя в окружении механических манекенов, скрыть холодность лиц которых, слой косметики был не в силах.

Я подумал, что может быть все же погиб в том тоннеле и попал в преисподнюю? В конце концов, откуда мне знать, как она выглядит? Возможно, это есть мир, зажатый между гигантскими зданиями, подобный ущелью и населенный существами, больше похожими на механизмы, которым старательно попытались придать человеческий вид, чем на людей из плоти и крови? И небо, словно отражая мои мысли, было мрачнее холодного ада. Из-за густого смога, мне оно виделось свинцово-коричневым потолком, по которому черной мошкаррой безостановочно сновали бесчисленные боты.

Я почувствовал, как кто-то прикоснулся к моему локтю, и резко развернулся, но, увидев перед собой маленькую, похожую на подростка девушку, успокоился. Внешне она сильно отличалась от окружающих нас людей. На ее лице отсутствовала косметика, на ней был надет серый поношенный плащ с накинутым на голову широким капюшоном, из-под которого выбивались, похожие на маленьких змеек, каштановые косички. Незнакомка обладала очень живыми и умными глазами, однако ее привлекательность ограничивалась этим.

Возможно, я слишком откровенно разглядывал ее лицо, и она смогла догадаться о моих мыслях. Строго посмотрев на меня, девушка порывистым движением сунула мне в руку какую-то листовку. «ТЫ РАБ!» – прочитал я на состоящем из гибкой, пластичной структуры листе два слова, напечатанные крупным и жирным шрифтом. Ниже располагался адрес какого-то сайта. Я хотел было спросить у нее, что это значит, но незнакомки казалось рядом. Она словно растворилась в воздухе.

– Что, блин, здесь происходит? – пробормотал я себе под нос и побрел дальше, часто оглядываясь через плечо в надежде разглядеть ее среди толпы. И еще долго, стараясь не обращать внимания на усталость и голод, бродил по узким, похожим на горные ущелья улочкам.

На нижних уровнях гиперполиса сумерки сгущались быстро. Приходилось подводить неутешительный итог: мне так и не удалось найти работу, а также место для ночлега. Впрочем, у меня не было ни малейшей возможности сделать это, поскольку, все магазины, рестораны или развлекательные заведения были полностью автоматизированы и лишены обслуживающего персонала. Я даже несколько раз пытался обратиться со своей проблемой к прохожим, но в ответ, смерив холодным взглядом, они неизменно обходили меня стороной.

Каморка Простака теперь казалась мне оазисом тепла и уюта, а сырная лепешка – блюдом из рациона гурмана. Но, если бы даже я очень этого захотел, то не смог разыскать дорогу обратно. Здесь было от чего прийти в отчаяние. Но вдруг за моей спиной раздался чей-то окрик:

– Эй, парень!

Я обернулся и увидел в двух шагах от себя странного человека. Он был невысок ростом и очень толст. Его голову с зачесанными назад грязными густыми волосами опоясывала красно-белая повязка. Но вовсе не поэтому его вид показался мне странным, а из-за его глаз, точ-

нее, правого из них: из затянутой тонкой рябой кожей глазницы, меня держала под прицелом маленькая камера, похожая на короткий сигаретный мундштук. Она синхронно вместе со здоровым глазом двигалась из стороны в сторону.

– Ты выглядишь уставшим, – приблизившись ко мне, произнес незнакомец.

– И что из того? – усмехнулся я.

– Значит, Макки – тот, кто тебе нужен! – воскликнул он, явив мне странное сочетание холодного матового блеска камеры и растянутой до ушей улыбки с ржавыми пеньками вместо зубов. – Я могу тебе дать то, что избавит тебя от усталости, если ты устал, накормит, если ты голоден, вдохнет в тебя надежду, если ты отчаялся!

«Наверное, торговый агент», – подумал я, но вслух спросил:

– И что же это?

Макки (а было очевидно, что под этим именем он имел в виду себя), казалось, только и ждал от меня этого вопроса.

– Звездная пыль! – возвестил он, извлекая из глубины кармана своих грязно-коричневых штанов пробирку с полупрозрачными кристаллами внутри.

– Это что? – спросил я, наблюдая за пассами его рук перед моим носом.

– Какая разница, как это называть! – возмутился Макки. – Это – твой билет в другую реальность! Дверь в мир, где ты будешь богом, причем в первый раз ты отправишься туда совершенно бесплатно. Андестенд?!

Я смотрел на кристаллы, не отводя взгляда, и что-то внутри меня уже поддалось его напору, поскольку я был голоден, а также очень устал и был на грани отчаяния.

«Бесплатный сыр бывает только в мышеловке!» – вопил мне рассудок, но рука уже дернулась, чтобы взять пробирку.

– Жертвенные овцы! – откуда-то сверху к нам донесся громкий крик.

Подняв голову, я увидел, что примерно в двадцати метрах над нами, на выступе, опоясывающем конический мегаскроб, стоит какой-то бородатый мужчина в длиннополом плаще. В правой руке у лица он держал какое-то приспособление, служившее ему мегафоном. Сильный ветер грозил скинуть безумца вниз, но он не обращал на это никакого внимания.

– Вот дерьмо! – с досадой воскликнул Макки. – Один из этих долбанных апокалиптиков! Сейчас здесь будет полно копов! Ну, если что, ты знаешь, где найти Макки!

И он растворился в толпе.

Едва его дородная фигура скрылась в быстро сгущающейся туче зевак, во мне возникло чувство, что я чуть не совершил большую глупость. Но от этих мыслей меня отвлек новый крик безумца.

– Жертвенные овцы! – вновь прокричал он, обращаясь к скопившейся под ним толпе. – Бессмертные принесут вас в жертву, они избавятся от вас, как от вещи, переставшей быть нужной...

Вокруг него, осветив ярко-белым светом, зависли патрульные боты сине-белой расцветки. Это можно было бы принять за постановку какого-то безумного шоу: человек, стоящий у края пропасти на фоне, словно нарисованного свинцово-коричневого неба, а так же мега-скреб, похожий на задник театральной сцены в ярком свете фар патрульных ботов, как будто в огнях театральной рампы. Но все происходило в реальности, и казалось, что даже воздух вокруг меня, словно став одним из зрителей, затих.

Похожие на сошедшие с полотен Пикассо, окружавшие меня люди с лицами, раскрашенными рваными линиями, больше не были механическими манекенами. Эмоциональное напряжение на них достигло апогея. Словно по невидимой электрической цепи, оно тут же передалось мне, и я почувствовал, как взмокли мои ладони.

– Немедленно покиньте парапет! – раздался бесстрастный металлический голос из громкоговорителя. – Вы нарушаете указ правительства номер сто тринадцать параграф пятый и тем самым подвергаете свою жизнь опасности...

– Вот вам указ правительства! – человек погрозил кулаком полицейским ботам. – Люди! – вновь закричал он толпе. – Вы находитесь в тюрьме, где двери, решетки и засовы невидимы! Выплюньте синтезированные бутерброды, оторвите свои взоры от бесконечных шоу и станьте свободными, ибо рабство хуже смерти!

Человек замолчал и, отбросив громкоговоритель в сторону, склонился над пропастью, рукой прижимая к груди истрепанную ветром бороду, похожую на темную тряпку. Он около минуты смотрел вниз, как будто пребывая в нерешительности, но потом совершил глубокий вдох, как перед прыжком в воду.

– Сейчас прыгнет, – сказал я, обращаясь неизвестно к кому.

И в этот миг он оттолкнулся от стены.

Мгновения, отделявшие самоубийцу от падения на тротуар, растянулось для меня, словно замедленный повтор эпизода из спортивной трансляции, и я успел заметить, как, еще находясь в воздухе, он широко раскинул руки, будто был распят на кресте или хотел обнять стоявших под ним людей. Истощенный женский крик скрыл от меня звук падения его тела. С трудом пробившись сквозь толпу, в большой луже бурой крови я увидел что-то бесформенное, завернутое в рыбацкий плащ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.